

**О военно-морских эпидемиологах
написано мало,
предлагаемые читателям записки
в какой-то мере восполняют
этот пробел.**

**В основе записок лежат реальные
события и факты.**

Имена некоторых героев изменены.

1

У Федора Тютчева в стихотворенье «Цицерон» есть знаменитые строки: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Чего-чего, а уж «роковых минут» у моего поколения с избытком. Особенно у тех, кто выбрал военную профессию.

Поездка в Сомали носила самый мирный характер, да и повод был замечательный: в пункте материально-технического обеспечения кораблей ВМФ в Бербере наши специалисты завершили строительство военно-морского госпиталя, и нужно было открыть это уникальное сооружение, оснащенное современной медицинской техникой, перерезать ленточку и отсидеть положенные часы на приемах. Был у меня в Бербере и свой интерес. Еще во время командировки в Гвинею я убедился, что наши моряки плохо подготовлены к работе в тропиках.

Русский человек в Африке – явление поразительное. Сколько его ни инструктируй, сколько ни пугай, – страх держится только три дня. Через три дня на прием обязательно явится матрос, у которого физиономию так разнесло, что глаз не видно. «Нюхал желтые цветы?» – «Ага». – «Я же всех предупредил: пыльца желтых цветов вызывает ожоги и аллергию, можно умереть от удушья! Ты знал об этом?» – «Знал, конечно... Но ведь интересно...»

А через три дня наблюдаю такую картину: на береговом камбузе (обычной кухне) виллы в предместье Конакри прапорщик-кок, ухватив за хвост черную мамбу, вытаскивает ее из шланга. Вытащил, раскрутил над головой и выбросил в окно. Спрашиваю: «Ты сумасшедший? Ведь при укусе этой змеи практически не действует сыворотка». – «Товарищ полковник, а что она, паскуда, лезет в шланг питьевой воды?»

Матросы и даже прапорщики в свободное время изготавливали амулеты из скорпи-

Юрий ПАХОМОВ

г. Москва

Записки военного эпидемиолога

онов. Делается это так: руками отлавливается ядовитая тварь, укладывается в форму (чаще всего в виде сердечка), заливается эпоксидной смолой с отвердителем. Остается приспособить цепочку, и подарок любимой готов. В матросском кубрике я обнаружил трехлитровую банку, битком набитую скорпионами. Нужно срочно издать памятки убывающим в тропические страны, где было бы четко расписано, как вести себя в джунглях, как защищаться от ядовитых животных и насекомых, переносчиков тропических инфекций. Я полстал литературу, озадачил ученых НИИ ВМФ в Ленинграде – дело продвигалось медленно. Помог случай.

Году в семьдесят пятом в Бербере матроса укусила змея – песчаная эфа. Ну, укусила и укусила. На то она и змея. Но это рядовое на первый взгляд событие повлекло за собой целый ряд серьезных осложнений. Выяснилось, например, что сыворотки отечественного производства на яд этой проклятой змеи не действуют. Матроса едва спасли, вынуждены были привлечь советское посольство, неделю весь флот, начиная с оперативного дежурного ВМФ, «стоял на ушах», пока бедолагу не эвакуировали в Москву. Главком стукнул кулаком по столу и спросил: «Кто на флоте занимается змеями?» Не получив вразумительного ответа – ссылка на некую кафедру Военно-медицинской академии его не удовлетворила, – приказал: «Назначить одного из главных медицинских специалистов ответственным за эту проблему».

Когда меня вызвал к себе мой начальник генерал-майор медслужбы Николай Терентьевич Потемкин, я меньше всего предполагал, что проблема ядовитых гадов свалится на меня.

Генерал предложил мне сесть и не спеша пересказал историю с матросом, сделав акцент на указание главкома.

– Николай Терентьевич, а я-то здесь при чем? – искренне удивился я. – Эпидемиологи отродясь со змеями дела не имели.

– Погоди, в тропиках ты был? Был. Крысами занимаешься? Занимаешься. Тараканами, блохами? И этими, как их, черт, – Потемкин сложил ладони крест-накрест и пошевелил пальцами, изображая одно деликатное насекомое.

– Ну и что?

– Дорогой, так это же одно и то же. Короче говоря, изучи вопрос, посоветуйся с учеными и срочно готовь предложение главкому.

Я вернулся в свой кабинет и тяжело задумался. Нрав главкома мне хорошо был известен; если бы он решил послать меня резидентом в Рио-де-Жанейро, я бы уже через месяц разгуливал по этому

городу в белых штанах. Первое, что пришло в голову, проконсультироваться у своих коллег из городской санэпидемстанции. Мне там частенько приходилось бывать. Когда наиболее важными направлениями руководят женщины, то в отделах и лабораториях царит несколько даже настораживающий порядок. Мой вопрос о змеях не вызвал недоумения. Сквозь потрескивание в телефонной трубке я услышал: «Девочки, принесите кто-нибудь красную оперативную папку». И тут же мне: «Андрей Сергеевич, записывайте. У нас все четко, не то что у вас, военных. Значит, так, ответственным за поражение змеями в столице является директор московского зоопарка Спицов Владимир Иванович, его служебный телефон... Записали? Теперь запишите телефон токсоцентра Института Склифосовского. Там окажут необходимую помощь. Все ясно? Не стоит благодарности!»

Сразу же беспокоить директора зоопарка я не решился, позвонил в токсоцентр, на всякий случай назвал свою должность, – обычно это производило впечатление. Но не тут-то было. Звонкий молодой голос насмешливо поинтересовался:

– Товарищ полковник, вы в окно сегодня смотрели?

– В окно? Смотрел. А что?

– Посмотрите еще раз.

– Зачем, черт возьми? Окно передо мной.

– И что вы там видите?

– Что вижу? Снег идет...

– Правильно, снег. Значит, зима на дворе. А зимой змеи спят.

И трубка противно загукала.

Ответ из Центрального военно-медицинского управления прозвучал не менее оскорбительно.

– Черт бы вас, моряков, подрал! Вечно на флоте все не как у людей. Змеи какие-то, – пробасил мой давний приятель и захохотал.

– Ты что ржешь? – возмутился я. – У вас же в Туркестанском военном округе змеи по улицам ползают.

– Ну и что? Они военнослужащих не кусают.

– Как? Почему?

– Не положено. Знаешь такое слово?

Накаляясь злобой, я набрал телефон директора зоопарка, нужно было хоть как-то сорвать дурное настроение, но когда я услышал вежливый, интеллигентный голос ученого, сразу же сбавил тон. Я почему-то всегда был убежден, что зоологи, всю жизнь проработавшие с животными, не могут оказаться плохими людьми. Так оно и вышло.

– Владимир Иванович, – сказал я, – известно ли вам, что вы являетесь ответственным за поражение граждан змеями в столице нашей родины Москве?

После некоторой паузы:

– В первый раз слышу. Надеюсь, это не розыгрыш?

– Какой там розыгрыш. Имя ваше значится в красной оперативной папке городской санэпидемстанции, а там дамы серьезные.

– Но меня даже не поставили в известность!

– Бывает.

Далее с полчаса мы беседовали о проблемах. Я рассказал о своих, Владимир Иванович о своих. Зоопарк собирались переводить в лесопарковую зону, а местная общественность противилась этому, наседало Общество защиты животных – экология в районе зоопарка отвратительная. В заключение обменялись домашними телефонами.

Где-то в половине десятого вечера – я уже клевал носом у телевизора – зазвонил телефон. Я взял трубку и услышал голос Спицова:

– Андрей Сергеевич, ради бога извините, но я ничем не могу заниматься, все думаю о змеях. Ведь я же курирую двадцать пять зоопарков по всей стране, а там везде террариумы. А что если и в самом деле нужны импортные сыворотки, изготовленные в том регионе, где обитает тот или иной вид змей?

Я как мог утешил его и на всякий случай продиктовал телефон токсоцентра института Склифосовского.

Если бы на этом все кончилось!

На другой день, к обеду, опять позвонил Спицов, на этот раз на службу:

– Коллега, – грустно сказал он, – вы мне приносите несчастья. До знакомства с вами я жил спокойно и иногда даже весело.

– А в чем дело?

– Час назад щитомордник укусил моего старшего научного сотрудника. Хорошо, что вы мне дали телефон токсоцентра. Вроде бы все обошлось. Приезжайте, нужно сообща подумать, что делать дальше. Вы – сторона заинтересованная.

У меня наступил странный период: я ходил в зоопарк как на работу. Сотрудники приветливо здоровались со мной, слон переставал жевать свежую зелень и трубил в мою честь, в обезьяньем вольере начинался веселый переполох – приматы знаками приглашали меня принять участие в их игрищах, и только в террариуме стояла зловещая тишина. Мы с Владимиром Ивановичем просмотрели горы литературы, его зоологи-полиглоты перевели различные проспекты с английского, французского, испанского языков. Для закупки сывороток срочно потребовалась валюта. Нужно отдать должное главному, он отнесся к змеиной проблеме очень серьезно. На справке, что я подготовил, он начертал резолюцию: «Валюту в необходимых количествах выде-

лить. Подготовить и издать специальное руководство по защите личного состава от змей и пр., чтобы им могли пользоваться не только врачи, но и строевые командиры».

Вечером того же дня я садился в «Красную стрелу», чтобы ехать в Ленинград на свою любимую кафедрю, носящую имя академика Павловского.

Короче говоря, через несколько месяцев я держал в руке переплетенный отчет НИР с великолепными иллюстрациями. Написать книгу о змеях авторы посчитали слишком простой задачей, в рекордно короткий срок они создали объемистый труд о ядовитых и опасных животных моря и прибрежных районах суши. Я взял отчет домой, разрезал его на части и за ночь слепил макет будущей книги (в первом, конечно же, приближении).

Воениздат к идее издать столь необычное руководство отнесся благосклонно, и вскоре книга, изданная тридцатитысячным тиражом, разошлась по флотам. Нужно сказать, к началу восьмидесятых годов военно-морской флот был уже достаточно подготовлен к условиям плавания в тропиках.

...Летели в Сомали с генералом Потемкиным. Накануне нас инструктировали в ЦК на Старой площади: холеный чиновник равнодушно задал нам несколько вопросов, пожелал удачи, на том аудиенция закончилась. За день до вылета мы зашли в Генеральный штаб получить заграничные паспорта, сдать удостоверения личности. Все было спокойно. Знакомые ребята из «десятки», направленные по Сомали, больше говорили о достопримечательностях стран Африканского Рога, о том, что выгоднее купить на командировочные – регион считался политически стабильным, и ничто не предвещало войны.

Чертовщина началась еще в дороге, когда при посадке в Каире в хвостовой части самолета началась драка. Студенты из Сомали подрались с эфиопами. Самолет откатили на дальнюю стоянку, автоматчики в касках скрутили дерущихся, вытолкали их в ночь, и наш обесточенный Ту-154 два часа простоял оцепленный полицией. Никто ничего не мог понять. Такая же неразбериха была и в Могадишо. Мы третий день торчали в военном городке русской колонии, не ведая, когда вылетим на побережье. Главный военный советник под предлогом лютой занятости уклонялся от встречи. Жили мы на вилле с кондиционером, роскошными апартаментами и блистающей никелем кухней. Обслуживали нас безмолвные солдатики в белых накрахмаленных куртках. Утром являлся советник по медицинским вопросам Тихоненко, лысый улыбчивый полковник, и с порога объявлял развлекательную программу дня:

– Осмотр достопримечательностей, посещение экзотического рынка, плантации бананов, пляж...

Генерал Потемкин, похоже, начал терять терпение.

– Виктор Григорьевич, можете вы, наконец, сказать, что происходит? Главком приказал лететь в Берберу, на сей счет есть директива Генштаба, а мы, вместо того чтобы заниматься делом, пьянствуем и купаемся в Индийском океане. Главный советник примет сегодня?

– Боюсь, что нет. Он в Министерстве обороны республики. Обстановка напряженная. Сомалийцы ночью подняли по тревоге еще несколько подразделений, призывают резервистов. Говорят – крупные учения. Впрочем, главный вам все объяснит лучше.

– Ладно, будем наслаждаться жизнью. Нечасто бывает.

И мы наслаждались. По-видимому, Тихоненко получил от начальства установку сделать все, чтобы мы не просыхали с утра до ночи. Гостевая машина была в нашем распоряжении. На улицах Могадишо надрывно гудели автомобили, бойко торговали магазины, из прохладных кофеен тянуло ароматом кофе, и в любой захудалой лавке можно было получить охлажденные напитки. Белые, с плоскими кровлями дома, красивые, в ярких одеждах женщины, музыка, крики ослов – город жил как всегда. Напряжения не чувствовалось. Разве что опустевшие пляжи, где каждое посольство имело свое бунгало с рестораном, комнатами отдыха, раздевалками, свидетельствовали о том, что происходит нечто из ряда выходящее. И еще по ночам мешал спать угрюмый, навязчивый звук: по неосвещенным улицам везли на трейлерах танки, наши, советские. Оттуда, из колеблющейся тьмы, тянуло запахом соляры, выхлопных газов и остывающего металла. Судя по количеству боевых машин, в дело уже были запущены моторизованные бригады. В городке по периметру выставили вооруженных часовых.

На кровле нашей виллы жил бабуин, самец килограммов на сорок. Крыша гудела под его тяжестью. Кормили его объедками. Выпятив зад, урча, он спускался по пальме и жрал из солдатской миски. Меня он почему-то сразу возненавидел, скалил желтые зубы и злобно ухал. Ночью к полукругую света от настольной лампы сползала по стене ящерица с ласковыми глазами убийцы. Она охотилась на насекомых.

Над Африканским Рогом плыли тревожные тучи. Каждый день рождал самые дикие слухи, а главный военный советник по-прежнему избегал встречи с нами. Обедали мы в столовой для советников. Какое-то подобие щей, безвкусные пресные булки вместо хлеба. В солонке лежали тонкие, высохшие

до звонкой хрупкости стручки красного перца. Там, в столовой, я и встретил знакомого полковника из Главного инженерного управления ВМФ Володю Кравцова. Мы с ним принимали участие в командно-штабных учениях в бункере главкома. Володю потом перевели в какую-то хитрую организацию, занимающуюся строительством за рубежом. Он загорел до негритянской черноты, и на этом фоне его седые, с синевой, волосы выглядели париком. Ничуть не удивившись, он подсел к нашему столику и с коротким хохотом спросил:

– Вас-то, дорогие соотечественники, каким ветерком сюда занесло? Время, я скажу, вы выбрали не очень удачно. Или не понимаете, что происходит?

Генерал с интересом посмотрел на него:

– А что происходит?

– Война, еще в январе в провинции Огаден Освободительный фронт Западного Сомали начал боевые действия против Эфиопии. Так, разрозненные банды. Вы успели как раз, когда сомалийцы ввели регулярные войска, – Кравцов усмехнулся и тут же перевел разговор на другую тему, стал расспрашивать о Москве, но, глянув на часы, осекся. Прощаясь, Володя, загадочно подмигнув, промолвил: – До скорой встречи. Я думаю, завтра утром главный вас обязательно примет.

– Кто это? – спросил генерал, когда Кравцов ушел.

– Полковник Кравцов Владимир Николаевич. Он в нашем Главном инженерном управлении служил... Сейчас не знаю, в каком он качестве.

– Симпатичный малый. Да, похоже, мы с тобой угодили в серьезную историю. Регулярные войска... Да!

Утром нас и в самом деле вызвали к главному военному советнику. Генерал-лейтенант встретил нас холодным кивком, жестом указал на кресла рядом с узким столом из полированного дерева. В кабинете у него собрались несколько человек. В углу диванчика примостился Володя Кравцов с блокнотом в руке.

Генерал-лейтенант был раздражен, хмуро бросил:

– Ваш приезд, товарищи, крайне несвоевремен. Не понимаю, о чем думает ваше руководство. В стране война, введены в действие крупные танковые формирования. С обеих сторон – сомалийской и эфиопской – есть убитые и раненые. Идут интенсивные воздушные бои...

– Накануне вылета, вечером, я был в Генштабе, – Терентьев развел руками. – Там сказали: все спокойно.

Главный военный советник отмахнулся:

– Политика! Одним словом, самолет до Харгейсы я вам дам, но безопасность гарантировать не могу. Лично я лететь не советую – собьют, хотя и

понимаю: приказ есть приказ. Сопровождать вас будет полковник Кравцов. Он у нас ничего не боится, даже сомалийского сифилиса. К тому же Кравцов курировал строительство в Бербере. Ему и карты в руки. Остальных пассажиров снимаю, неоправданный риск.

Главный подошел к холодильнику, достал бутылку виски.

– Давайте перед дорожкой по русскому обычаю, – он улыбнулся, жесткое его лицо расслабилось. – Честно говоря, не хочется вас отпустить. Душа не лежит. Стоит ли рисковать из-за госпиталя, который мы построили неизвестно для кого. Кравцов, что сидишь, разливай.

Я заметил: Володя очень изменился, стал молчалив, замкнут. В самолете понемногу разговорился, рассказал, что в заграничной командировке он без семьи, надоело до чертиков, обстановка в русской колонии склочная, народ в основном случайный, все определяется чеками Внешторгбанка: у кого сколько. Отсюда зависть, подсиживание, холуйство. Всем правит главный военный советник, он царь и бог. Посольские – элита. Живут изолированно. Ситуация в стране давно накалилась, а Москва знать ничего не хочет, только советует: не спешите с выводами, взвешенно оценивайте ситуацию с учетом возможных политических последствий... Доигрались!

Немного расслабившись, он стал развлекать нас байками. Рассказал, к примеру, как заместитель начальника Главного штаба флота Навойцев ехал на «лендровере» в Берберу, увидел на дороге гигантскую черепаху, велел ее изловить и сунуть в салон автомобиля. Отговорить его не успели. От тряски черепаху прослабило, и салон с пассажирами на треть погрузился в зловонную жижу.

Хоть и балаболит он лихо, как в былые времена, видел я, встревожен Кравцов, ждет неприятностей. Так и случилось, хорошо обошлось мелочами, отделались, как говорится, легким испугом.

На аэродроме в Харгейсе к трапу подкатил джип с четырьмя головорезами в хаки. Лица испачканы чем-то черным. Оказалось, наши, русские советники. Старший из них, мерцая белками глаз, сказал:

– У вас, дорогие соотечественники, видать, крыша поехала. Здесь неподалеку бои идут, уже два самолета сбили. Раненые есть, убитые... Два часа назад в госпиталь доставили советника с той стороны, подполковника Широкова, я с ним в академии учился. Тяжелое ранение в живот. Наши советники друг против друга воюют. Танки тоже наши, с обеих сторон. Дурдом! Машиной я вас до Берберы обеспечу, а там как бог даст. Могут обстрелять истребители, могут из гранатомета накрыть. Решайте.

Потом был путь через раскаленную саванну, по

обочинам белели кости животных. Берберу два раза бомбили, но, в общем, там было спокойно. Моряки с пункта материально-технического обеспечения кораблей на всякий случай отрыли окопы. Пустынный ветер хариф разогнал все живое. Чернотлицые бородатые старики, завернувшись в белые одежды, лежали в жидкой тени, падающей от глинобитных домов. Те, кто помоложе, сидели в дешевых «кафе» – полутемных хижинах, похожих на курятники, с кое-как слепленными из ветвей акации скамейками и столами – неторопливо беседовали, жевали кат – ярко-зеленые, увязанные в плотные пачки листья. Листья ката содержат наркотик. Привозят его из Кении в крытых китайских грузовиках. Говорили, что китайцы поставляют грузовики в Сомали бесплатно. Так же бесплатно строили они и дороги. Вахтенный у трапа плавмастерской стоял в форме «два»: белая форменка, суконные брюки. Тропической формы в то время еще не было, а термометр в тени показывал плюс сорок семь. Потемкин, грузный, седовласый, в шортах, выглядел довольно забавно, все время шутил.

Нас разместили в каютах на плавмастерской. Кондиционер еле шурыгал, я просыпался мокрый от пота. Обстановка осложнялась с каждым днем. Правда, порт не бомбили. За две недели, что мы прожили в Бербере, было только два налета: бомбили аэродром. Начальник пункта снабжения кораблей готовил персонал базы и членов семей к эвакуации. Информация поступала противоречивая. Было неясно, какую сторону в конфликте поддерживает советское правительство.

Госпиталь приняли, генерал в торжественной обстановке перерезал ленточку, в честь этого события был дан прием, закончившийся в... сауне. Кравцов все время где-то пропадал, возвращался измученный, серый от пыли. Повез нас как-то ужинать в ресторанчик, славящийся местной кухней, но тот оказался закрыт. Хозяина-эфиопа накануне арестовали по подозрению в шпионаже. Выжженный солнцем город был пуст. Жизнь теплилась только на рынке да еще в двух-трех магазинах, принадлежавших индусам.

Как-то «Маяк» сообщил, что президент республики вылетел на переговоры в Москву. Пользуясь временным затишьем, Потемкин запросил у командования «добро» выехать из Берберы прежним маршрутом. «Добро» было получено.

Выбирались тоже с приключениями. По дороге в Харгейсу на наш «лендровер» дважды выходил в атаку истребитель, но почему-то не обстрелял. В Харгейсе стояла настороженная тишина. Рассказывали: на рынке русских женщин забросали камнями. Советскую колонию усиленно охраняли наши морс-

кие пехотинцы. Самолет главного военного советника пришлось заправлять топливом из неприкосновенного запаса: сомалийцы отказали в помощи, вели себя враждебно. Рядом со скребущим звуком, волоча за собой парашюты, садились ярко раскрашенные сомалийские истребители: возвращались с боевого задания. Из разговоров летчиков я случайно узнал, что сомалийская сторона не дала оповещения в ПВО и самолет главного военного советника летит как неопознанная цель. Сказал генералу.

– Андрей Сергеевич, ты хоть помнишь, какой нынче день? – спросил у меня Потемкин.

– Нет.

– Поздравляю, сегодня День Военно-Морского флота! Обидно, если нас сшибут в праздник, к тому же мы не успели с тобой шиллинги потратить. Зови Кравцова и прапорщика, в «козла» сразимся.

До Могадишо, чтобы не засекли радары, летели на бреющем полете, едва не задевая брюхом самолета за зонтичные акации. Праздник отметили у нашего морского атташе. Как говорится, с корабля на бал: дамы в вечерних туалетах, шампанское, джин с тоником в мизерных количествах. У меня от усталости гудело в голове и, похоже, начались зрительные галлюцинации: по потолку медленно двигалось странное существо с огромными человеческими глазами. Существо спустилось по стене, ловко прыгнуло на спинку стула, на котором висела белая тужурка атташе, и стало, помахивая хвостом, прогуливаться по ней. Я заворуженно наблюдал за его действиями. Вчера вечером накануне вылета, чтобы перебить тревожное чувство, мы с Николаем Терентьевичем выдули фляжку спирта. Граммов триста неразбавленного, никак не меньше. Глазастый черт – наверняка плод алкогольного делирия. Ко мне подошла жена атташе и, наклонившись, шепнула на ухо:

– Хочешь, подарю?

– Господи, что это?

– Лемур. Редкая дрянь. Сикает под себя, мочит лапки, а потом ходит по стенам, даже в шкаф с бельем забирается, сволочь.

– Нет уж, избавьте.

В полночь добрались до виллы. Потемкин уговорил Кравцова ночевать у нас. Светила луна. По территории советской колонии вышагивали усиленные патрули. Генерал смачно плюнул и спросил:

– Андрей свет Сергеевич! Неужели у нас нечего выпить? У меня от этого джина изжога. Дипломаты, мать их так!

И тут я вспомнил, что перед самым вылетом в Харгейсу Тихоненко принес литровую бутылку медицинского спирта. Я еще удивился: «На кой он, у нас же коньяк есть и виски?» «Пригодится. Водки,

друг, никогда не бывает много», – пояснил Тихоненко. Африканский климат сделал его философом. Когда после вызова к главному военному советнику пришлось собираться в спешке, чтобы не пропали фрукты – бананы, папайя, апельсины, манго, – я положил их в кастрюлю и залил спиртом, словно предчувствуя, что источник бодрящих напитков может иссякнуть.

– Я думаю, выпить найдется, – сказал я, разглядывая луну, багровый венчик вокруг нее не предвещал ничего хорошего. Генерал остановился:

– Откуда? Мы же все взяли с собой!

– Тайна.

– Ну смотри, не обмани мои ожидания. Горе тогда тебе!

Холодильник на кухне был отключен, все из него исчезло, а кастрюля с настойкой так и осталась на подоконнике. Видно, уборщики приняли ее за компот и забыли вылить. Я немного разбавил водой пойло, разлил по высоким стаканам, воткнул по соломинке для коктейлей и торжественно поставил на журнальный столик. Генерал недоверчиво пожал плечами, выбросил соломинку, глотнул из стакана и изумленно посмотрел на меня:

– Слушай, что это такое?

– «Бабуиновая горькая». Рецепт – секрет фирмы.

Терентьев покачал головой:

– Ну, ты даешь! Володя, попробуй. В этой штуке градусов шестьдесят, не меньше. Нет, нам все-таки здорово повезло! А то сбили бы над пустыней и мы не попробовали «бабуиновую». Андрей Сергеевич, тащи сосуд с этим нектаром. Мужики, хоть отпразднуем по-человечески!

Гудели до утра. Кравцов был грустен, строил мрачные прогнозы:

– Если наши политики возьмут сторону Эфиопии, тогда базе в Бербере конец. А сколько труда, денег вложено. И все коту под хвост...

...В пустыне Огаден шли широкомасштабные танковые сражения. Пункт материально-технического снабжения кораблей в Бербере был безвозвратно потерян, потеряны военно-морской госпиталь, терминалы для беспричальной подачи топлива, взлетно-посадочная полоса для тяжелых самолетов. Все, все, построенное в тяжелейших условиях русскими специалистами.

Началась эвакуация сотрудников посольства. В Москву возвращались первым классом вместе с семьями дипломатов. Мне еще не приходилось летать первым классом: мягкие кресла, нажатием кнопки превращающиеся в подобие кровати, широкие проходы, даже запах в салоне был какой-то особый. Я подарил стюардессе страусиное яйцо, и она принесла нам бутылку виски «Джонни Уокер», за ил-

люминатором расстились белые облака, напоминающие ледяную пустыню, виски подействовало расслабляюще. Перед глазами мелькали пестрые картины недавнего прошлого. Рыжая, уходящая к горизонту баскалия, крошечные лани дик-дики то и дело пересекают блестящую на солнце дорогу, загородка у ангара, где жили военные строители, а в загородке гигантская черепаха, хлебающая из алюминиевой кастрюли флотские щи. Где-то рядом промелькнула пересохшая речка, по руслу которой брели горбатые коровы...

В Москве хлестал дождь, столица жила своей обычной жизнью, и мало кто знал, что творилось на Африканском Роге. Через день меня выдернули в оперативное управление: потребовались консультации по обстановке в Бербере.

2

Бербера была утрачена, и руководство нашей страны приняло решение о строительстве пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) на одном из островов архипелага Дохлак в Красном море. Создали группу, которой предстояло разработать и подписать с эфиопской стороны соответствующие протоколы, провести рекогносцировку и прочее.

В группу входили инженеры-проектировщики, геологи, авиаторы, штурмана, гидрографы, специалисты главного инженерного и технического управлений. Предстояли переговоры с местной стороной, приемы, поэтому с собой мы везли коробки с водкой, коньяком, деликатесами. Военторг не стал мелочиться, обеспечил всем необходимым: и паюсная икорка была, и крабы, и копчености.

Группой руководил вице-адмирал Юрий Алексеевич Кузьмин, заместитель начальника тыла ВМФ. В прошлом – подводник, командующий флотилией лодок на Северном флоте.

В гражданских костюмах, одинаковых белых кепках, купленных оптом в ГУМе, с неумело повязанными галстуками специалисты напоминали туристов из провинции, ошеломленных и несколько напуганных поездкой за границу. Лучшего прикрытия не придумаешь.

Полет начался с неприятностей. Над Крымом самолет вдруг начало трясти, он стал заваливаться то на левое, то на правое крыло, звук турбин снизился, в хвостовой отсек торопливо прошел бортинженер с неестественной улыбкой на лице. Затем Ту-154 стал быстро и как-то боком снижаться, заломило в ушах, сквозь ватную глухоту стало слышно, как чиркнули по взлетно-посадоч-

ной полосе шасси, наконец самолет грузно осел.

Вскоре выяснилось, что нас посадили в Одессе. В загородке для международных линий стоял зной, на клумбах цвели розы. Сзади меня шли две стюардессы.

– Надо же, чуть не гробанулись, – сказала высокая блондинка. – Один движок отказал. Теперь будем здесь торчать неизвестно сколько.

– Да ты что, а я ничего не заметила, – откликнулась другая, совсем девочка. – Я же первый раз лечу.

Эту «радостную» новость я сообщил начальнику штаба группы капитану второго ранга Вите Плаксину. Тот усмехнулся:

– У меня новость получше, один мужик мне сказал, что здесь отличный бар и коньяк наливают за наши рублики. Пойду потолкую с адмиралом, я думаю, он возражать не станет.

В баре мы засиделись до закрытия, за стеклянной стеной опустилась ночь, во тьме вспыхивали и гасли огоньки. Спали на жестких креслах, подложили сумки и кейсы под голову.

В Аддис-Абебе разместили нас во вполне приличной гостинице с ливрейным швейцаром, боями в зеленой униформе и скучающими девочками в холле. Завтракали и ужинали всей группой у меня в номере. Кузьмин распорядился снять для меня люкс, куда снесли от греха подальше все напитки и деликатесы, попросили администрацию поставить большой стол и еще один холодильник. Получилось что-то вроде кают-компании. С одной стороны, сэкономили валюту (бар и ресторан были не по карману), с другой – группа на виду, можно оперативно решать организационные вопросы.

Сам Юрий Алексеевич жил в третьеразрядном одноместном номере. Через день ко мне подошел заместитель начальника политуправления ВМФ Николай Михайлович Карлов.

– Андрей, можно я у тебя на диване устроюсь? Мой сосед, генерал, храпит, я всю ночь не спал.

– Перебейрайся.

– Добро.

Николай Михайлович оказался веселым, общительным человеком. Он основательно подготовился к поездке, хорошо знал историю Эфиопии.

– Идея иметь базу на побережье Красного моря не нова, – вечером рассказывал он, – российское правительство еще в девятнадцатом веке хотело обеспечить свой флот гаванью для снабжения наших кораблей углем на пути из Одессы во Владивосток, чтобы не зависеть от Англии и Франции. В частности, правительство интересовало побережье Эфиопии на выходе из Красного моря в Индийский океан. В Морском архиве мне как-то попался приказ Глав-

ного морского штаба командиру канонерской лодки «Манджур» от 11 ноября 1888 года. Ему поручалось исследовать Таджурский залив и сообщить, представляет ли он надежную гавань для наших судов. В конце девятнадцатого века на побережье этого залива русский казак Ашинов основал «Московскую станицу», что-то вроде поселения. В это же время прорабатывался вопрос аренды у французов земли в Джибути для строительства угольного склада. Вот откуда веревочка вьется.

– Так-то оно так. Но продуть Берберу, да еще столь бездарно. Я же там был, столько денег ухлопали!

– А что поделаешь? Нас с Эфиопией связывают давние отношения. К тому же страна христианская. Хуже другое, в Бербере, похоже, скоро американцы хозяйничать будут. Выходит, мы для них базу построили.

За окном зависла африканская ночь. О сетку, закрывающую окно, бились крупные бабочки. Война в Аддис-Абебе почти не ощущалась. Иногда дорогу пересекали колонны грузовиков с боеприпасами, за рулем сидели кубинцы. Советникам выдали оружие, один с усмешкой рассказывал в столовой: «У меня «калашников» под кроватью в спальне лежит. Жену научил стрелять. Черт его знает, что может произойти».

Времени на ознакомление со столицей практически не оставалось. Разок свозили на знаменитый крытый рынок – город в городе, где легко было заблудиться. Одиночные прогулки по городу были запрещены послом. Как-то вечером мы с Николаем Михайловичем все же рискнули прогуляться у гостиницы.

Дневной зной спал. На улице было людно. Рядом с китайским баром торговали сувенирами. Мимо проносились автомобили, и было много вооруженных людей. В толпе я потерял Карлова. Потолкался среди торговцев сувенирами и не спеша направился вниз по широкому тротуару. Магазины, лавки, лавчонки, солидные офисы с окнами, забранными одинаковыми салатного цвета жалюзи. На стенах и крышах домов рекламы известных фирм. От контейнеров с мусором тянуло гнилью, в воздухе висела сияя пелена смога. Запах гнили, цветов, кофе перебывал кислый чад автомобильных выхлопов.

У супермаркета, занимающего нижний этаж сумрачного здания, я невольно задержался, разглядывая витрины. Чего только тут не было: «Кьянти» в оплетенных бутылках, джин, виски, кофе в ярких упаковках, пирамиды золотистых плодов манго, бананов. В глубине за стеклами витрины, точно рыбы в аквариуме, двигались люди. «Нужно купить несколько пачек кофе, – решил я. – Чем не сувенир? Эфиопс-

кий кофе славится». Я собрался идти дальше, но в спину мне уперлось что-то холодное. Властный голос на английском приказал поднять руки. Я не сразу сообразил, что от меня хотят, обернулся и оторопел – позади два молодых человека с автоматами. Один из них, худой, высокий, потребовал документы.

Заграничные паспорта у нас еще в аэропорту отобрал кадровик, чтобы оформить выездные визы, и с собой было только удостоверение Географического общества СССР, – сунул в карман в предотъездной суматохе. Высокий парень повертел удостоверение в руке и удивленно спросил:

– Русский?

– Да. А в чем дело?

– Простите, произошла ошибка.

– Бывает, – я попытался улыбнуться.

Наверное, только минут через пять меня обдало холодом: ведь запросто могли пристрелить. «Красный террор», черт бы их побрал. Что стоило этому удалцу нажать на крючок? Разбирайся потом. А если бы у меня вообще не было документов? Повезло, в который уж раз кривая вывозит.

3

После нескольких дней столичной жизни, где были и переговоры, и приемы, и просто дружеские встречи, нас переодели в форму правительственных войск – так были одеты все советники – и отправили самолетом в Асмара. Асмара – небольшой городок, расположенный за горным перевалом в семидесяти милях от Массауа, откуда планировалось забросить группу к месту назначения на вертолете.

Асмара раскинулась на высокогорном плато. На побережье стояла гибельная жара, а здесь температура редко поднималась выше двадцати пяти градусов. Эритрея – бывшая итальянская колония, была присоединена к Эфиопии вскоре после окончания Второй мировой войны. Таким образом, наш давний союзник получил выход к морю, обзавелся военноморским флотом, размещенным в портах Массауа и Ассаб. Все это мне сообщил Николай Михайлович.

– Я перед отъездом у операторов побывал. Обстановка в Красном море сложная, – рассказывал он, – в январе французы, опасаясь за свою колонию, направили к побережью Джибути боевую ударную группу во главе с авианосцем «Клемансо». Рядышком плавают англичане – всего полтора десятка боевых кораблей. Месяцем позже американцы решили направить к берегам Сомали авианосную ударную группу. Крутая каша заваривается. Кроме того, нас втянули в войну с эритрейскими сепаратистами. Наши корабли охраняют караваны судов, доставляющие

военные грузы в порт Ассаб, обстреливают позиции сепаратистов у Массауа, а недавно тихоокеанцы высадили в Массауа десант в составе усиленной роты с танковым взводом. Мы в самое пекло летим.

Асмару проектировали и строили итальянцы – все было продумано для лечения, отдыха, спорта и легкой, необременительной жизни. Белые причудливые виллы, белые ажурные ограды, оплетенные ярко-фиолетовыми цветами бугенвиллеи, зеленые подстриженные газоны, площадки для игры в гольф, теннисные корты. В центре – католический собор, построенный в стиле модерн, а рядом мечеть. Крики муэдзинов, усиленные современной аппаратурой, слышны во всех концах города. На окраинах остроконечные хижины – тыкули, где ютилась беднота.

Уже по дороге в Асмару эйфория первых дней сменилась деловой сдержанностью: там, куда мы летели, шла война, правительственные войска пытались подавить сепаратистов, обе стороны применяли тяжелое оружие. В советской военной колонии я встречал наших советников, приехавших с фронта, – загоревших до черноты парней в вылинявшей форме, с кольтами, небрежно заткнутыми за брезентовые пояса. Пистолеты системы Макарова там, на передовой, не котировались. Советники, как и подобает фронтовикам, держались независимо. Некоторые из их коллег уже погибли, были ранены, несколько человек попали в плен.

В Асмаре размещалась военно-воздушная база правительственных войск, построенная еще американцами. Сохранились казармы, коттеджи для летчиков и обслуживающего персонала, офицерский клуб с баром и казино. Мне потом не раз пришлось бывать в этом городе, гостить у наших летчиков. Они обустроились неплохо, даже русскую баньку соорудили.

Войной пахло уже в Асмаре: неподалеку сел вертолет, из него выгружали раненых. Пепельные лица, пропитанные кровью повязки, стоны и полчища мух, мелких, серых, прилипчивых. Мухи потом повсюду преследовали нас – в вертолете, в окопах на передовой. Мерзкие насекомые как бы символизировали войну в Африке.

После коротких переговоров нас посадили в вертолет, машина резко набрала высоту – нам предстояло пересечь зону, контролируемую сепаратистами. Из-за грохота двигателя разговаривать было трудно, да и не хотелось. У всех, кроме переводчика, лица были напряженно-строгие, а тот клевал носом. Ему давно уже все осточертело.

В приоткрытую дверцу кабины виднелась мокрая от пота спина чернокожего пилота. Легкие облака разогнало ветром. Безмятежный розово-голубой

мир лежал внизу, и не верилось, что там, в раскаленных окопах, в расщелинах скал, среди струящегося песка затаились люди и провожают вертолет напряженными взглядами, а может быть, кто-нибудь уже ведет его в перекрестье прицела и вот-вот нажмет на гашетку. Пустыня сменилась морем с розовыми и лиловыми разводами отмелей и рифов.

Минут через тридцать вертолет в облаке пыли низвергся на остров Нокра, входящий в архипелаг Дохлак. Ни кустика, ни деревца. Лунный пейзаж. Столбик ртути в термометре наверняка подскочил выше сорока градусов. Неподалеку виднелись какие-то развалины, оказалось, бывшая итальянская тюрьма, еще времен Муссолини. Переводчик пояснил, что сейчас там размещен взвод правительственных войск, переброшенных на остров для обеспечения нашей безопасности. В основном, молодые солдаты, среди них есть раненые и больные инфекционной желтухой.

Вертолет улетел. По замыслу, у причала острова Нокра нас должен был ожидать морской буксир, выделенный для обеспечения рекогносцировки. Буксира не было. Мы укрылись от солнца в деревянном сооружении, напоминающем беседку, нас тотчас облепили мухи. Пробовали отмахиваться – бесполезно, так и сидели, облепленные насекомыми, напоминая серых идолов пустыни.

Буксир подошел часа через два. И каким счастьем было оказаться на его борту, в просторной, охлажденной кондиционером кают-компании, где на столе стояли графины с ледяным квасом, а на переборке висела фотография: опушка березового леса, светлая, радостная, наполненная неярким весенним солнцем.

Два дня мы занимались промерами, исследовали юго-восточную часть Нокры, где предстояло строить пункт материально-технического снабжения кораблей. Потом после некоторых колебаний решили идти в окруженный сепаратистами Массауа. Город блокирован с суши, интенсивно обстреливался, подойти к нему можно было лишь с моря. На Нокре не было питьевой воды, возить ее предстояло из Массауа водолеями, и побывать там было крайне необходимо. Кузьмин собрал совет, и все единогласно решили: идти.

В то утро стоял необыкновенный штиль, светлая, с красным отливом вода выгибалась дугами под форштевнем, с берега тянуло, как из сухожаровой печи, было тихо – равномерно бубнил двигатель, с шипением отлетала от бортов вода, ни отдаленной канонады – гул все дни не стихал, ворочался то слева, то справа, – ни единого выстрела. Кто-то предположил: «Может, объявили перемирие?»

Через полтора часа в дымке возникли очертания

ния порта, выше, ярусами, поднимался город. Переводчик, позевывая, пояснил:

– Справа, видите? Торчит обломок трубы цементного завода, там позиции сепаратистов. Разделительная полоса – семьсот метров. Сепаратисты лупят из минометов, снайперы их постреливают. Хорошо еще авиации у них нет. Город фактически осажден. Медикаменты, продовольствие доставляют на вертолетах из Асмары, Ассаба, туда же эвакуируют раненых.

– А морем? – спросил Кузьмин.

– Нечем. Правительственный флот – не то два, не то три торпедных катера. Торчат в Ассабе, нет топлива. Буксир, товарищ адмирал, лучше на внешнем рейде оставить, а то еще долбанут.

Кузьмин кивнул:

– Так и сделаем. Команду я уже дал. К нам подойдет катер со старшим группы военных советников.

Переводчику было года двадцать четыре, а на вид – восемнадцать: пухлые губы, юношеский румянец, наивные, широко распахнутые глаза. Он почему-то все время не высыпался, тер глаза, ожесточенно жмурился. Переводчик третий год работал в Африке, многое повидал, и его не смущали высокие звания. Держал себя раскованно, как настоящий фронтовик.

А на берегу было все так же тихо, мертво, казалось, город покинут людьми.

– Катер! – крикнул переводчик.

Левее пирамиды маяка я с трудом разглядел белую точку. Точка быстро увеличивалась в размерах и напоминала каплю, стекающую по зеленовато-серому стеклу. Абсолютная тишина нависла над Масауа, оттого казалось, что любой самый незначительный шум, рожденный в недрах буксира, прокачивается над водой и слышен далеко вокруг.

– Не нравится мне эта тишина, – промолвил Кузьмин, разглядывая город.

– Тут бывает, – переводчик прикрыл рот рукой, но не зевнул. – То молчанка, то как с цепи сорвутся.

Офицеры стояли вдоль борта, разглядывая берег. Близость опасности щекотала нервы, потому все воспринималось остро, с какой-то болезненной ясностью: город, стремительно приближающийся катер, заломленные руки портовых кранов и то отдаленное, опасное пространство, помеченное обломком трубы цементного завода.

Катер теперь был виден хорошо – белый, остроносый, со скошенной назад рубкой. Форштевень гласал красную тягучую воду. Рядом с рубкой, облокачиваясь на пулемет, широко расставив ноги, стоял человек в зеленом камуфляже.

Буксир застопорил ход, но на якорь не стал, видно, капитан принял решение лечь в дрейф,

чтобы в случае необходимости можно было маневрировать, отойти подальше от берега. С правого борта вывалили трап. Катер лихо развернулся и на малом ходу стал подходить к буксиру. Теперь уже можно было подробно разглядеть человека, стоящего у рубки: широкоплечий, пузатый, с вислыми усами, камуфляж вылинял, кобура с огромным кольцом прикручена к брезентовому поясу проволокой.

Человек помахал рукой и гулко, раскатисто, совсем не по-военному крикнул:

– Тож быстренько сигайте по одному! А я туточки приму вас... – И мясистое лицо его расплылось в добродушной улыбке.

Дверь рубки катера открылась, вышел высокий худощавый офицер. Брови и усы у него выгорели и казались седыми. Форма хорошо подогнана, за брезентовый пояс заткнут короткоствольный никелированный револьвер.

Усатый толстяк ловко принял Кузьмина на катер и зарокотал:

– Ну, с прибытием вас, товарищ адмирал. Здрав желаю, полковник Губарь, старший здесья, а то подполковник Голиков, советник из оперативного управления.

Голиков сухо кивнул.

Офицеры рекогносцировочной группы по одному с помощью полковника Губаря перебрались на катер.

– Ну, как вы здесь? – спросил Кузьмин у Губаря.

– А ничего, живем. Воды только маловато. Причалы, где водовод, простреливаются, днем не доберешься. Вашу программу позвольте узнать, товарищ адмирал?

Кузьмин коротко изложил задачу группы и, прищурившись, спросил:

– Обеспечите?

– Нема проблем.

Катер, не сбавляя оборотов, подошел к берегу, взвыл двигателем, давая задний ход, и плавно пришвартовался к небольшому причалу.

...Мы шли по пустым улицам мимо домов с выбитыми стеклами, осколки хрустели под подошвами, откуда-то тянуло запахом недавнего пожарища. Тишина была плотной, ощутимой, настораживающей.

Губарь шел, косолапя, широко разбрасывая ноги. Спина его потемнела от пота.

– Много здесь наших? – спросил Кузьмин.

– Не так чтобы. В основном танкисты. А допрежь того морпехи из десанта были.

– Убитые, раненые есть?

– Убитых, слава богу, немае. А раненые есть. Как без того? Война. Ишь, притихли, цуцки, – он неопределенно махнул рукой. – Боеприпасов у них мало.

Через часок-другой начнут. Я так думаю, группе лучше разбиться на две части. А то сепараты интерес предъявят и подбросят «презент». Два джипа в нашем распоряжении. В одном я, в другом – подполковник Голиков. Куда едем?

– На причалы.

– Опасно. Семьсот метров – передовая. Снайперы постреливают. Ладно, я то хозяйство из окошка офиса вам покажу.

Кузьмин кивнул и, повернувшись к офицерам, скомандовал:

– Внимание! Сейчас едем смотреть причалы. Максимальная осторожность. Разобьемся на две группы. На всякий случай место сбора – причал, где стоит катер. Вопросы?

Я оказался в джипе, который вел подполковник Голиков. Усаживаясь за руль, он спросил у переводчика:

– Который же раз ты прилетаешь к нам, Саша?

– Пятый.

– Везет тебе, – и так с ходу газанул, что я едва не вывалился из низкобортного джипа. Автомобиль нырнул в узкий, остро пахнувший мочой переулочек, выехал на площадь; в центре ее, ощерившись орудием в блеклое небо, замер танк, наш, советский, выкрашенный в охряно-желтый цвет. Около него в кучей тени отдыхали чернокожие солдаты – худые, узкоплечие, заморенные.

Метров через триста еще один танк, громоздкий, колеса прикрыты бронешитками, скорее всего американский, задом заползал во двор, подминая декоративный кустарник. Улицы от центральной площади сбегали вниз, к морю. Миновав ворота, джип мчался по территории порта между серыми глыбами пакгаузов, складов – отсюда тянуло сладковатым запахом разложения.

– Уж извините за душок, – усмехнулся одними губами Голиков, не отрывая взгляда от дороги. – Трупы все никак не можем убрать. Территория часто простреливается.

Портовые сооружения рассматривали в бинокль из полуподвальных окон офиса – бывшего управления портом. Под ногами звякали, перекатываясь, гильзы, валялись ржавые пустые рожки от автоматов «узи», пачки из-под сигарет, консервные банки. Стены подвала, казалось, шевелились от мух. По мешку с песком цокнула пуля, желтая шуршащая струйка заскользила на пол.

– Снайпер, – сказал Голиков, – стекла бинокля отсвечивают. Пригнитесь.

Слева в углу басил Губарь:

– От тамочки – причалы. Водовод не поврежден. Сепараты тоже пить хотят. С умом стреляют. Видите цистерны? То собственность компании «Шелл». Их

тоже не трогают. Дурных немає. Давайте поскорее.

После полумрака подвала полуденное солнце резануло глаза, ослепило. Я стоял, беспомощно опираясь о раскаленную стену. И тут возник звук, словно взвизгнула бензопила, звук прокатился по небу, погас в конце улицы, и тотчас ухнул взрыв. В ответ упруго ударил выстрел, от которого дрогнула стена. Метрах в десяти я увидел танк, врытый по башню в песок. Город наполнился гулом перестрелки. Мелко, как перед началом землетрясения, задрожала земля.

– Давайте в джип поскорее! – крикнул Голиков. – Сейчас они по нашему квадрату врежут.

Джип рванулся навстречу взрывам, туда, где над домами, уютными двориками с оградами, оплетенными бугенвиллеей, вставало серое облако пыли. Маневр оправдал себя...

4

Прошло несколько месяцев, как я вновь оказался в Эфиопии. На этот раз поездка носила совсем другой характер. Как-то утром меня вызвал к себе генерал Терентьев.

– Андрей свет Сергеевич, ты рецепт «бабуиновой горькой» помнишь? – спросил он.

Я усмехнулся, припоминая, как мы отмечали день ВМФ в Сомали.

– Конечно.

– Делать пробовал?

– Нет. С компонентами сложности. Где, скажем, взять папайю? Или королевские бананы?

Генерал закурил, посмотрел в окно и сказал:

– Похоже, такая возможность тебе скоро представится.

– В смысле?

– Приготовить «бабуиновую горькую». Шикарная вещь. Я вообще ту нашу с тобой поездку в Сомали воспринимаю теперь как приключенческий фильм.

– Да уж, приключений было достаточно.

– Короче, на днях тебе придется лететь в Эфиопию. Заболел советник начальника тыла ВМС Эфиопии капитан первого ранга Саратовкин. Желтуха, то, се... Нужно исключить экзотику, а ты специалист по этой мерзости.

– Николай Иванович, я, конечно, готов, но тут вроде бы инфекционист нужен, а не эпидемиолог. Лечебник, во всяком случае...

Терентьев погасил сигарету. Несмотря на раннее утро, пепельница уже была забита окурками. Генерал курил исключительно «Пегас».

– Согласен. Но есть одно обстоятельство деликатного свойства: у тебя будет второе задание,

основное. Подробности тебе растолкуют в управлении Петрова.

– Разведка?

– Она самая. Команда поступила из высокой инстанции, так что бери мою машину и дуй прямо сейчас на Козловский. Номер кабинета уточни у дежурного по управлению. Примет тебя некто Сидоров. Это все, к сожалению, что я могу сказать.

Загадочный Сидоров – генерал даже не знал его звания – представлялся почему-то таким седоватым джентльменом со стальными глазами и жесткими складками в углах рта. Шагая по бесконечным коридорам Главного штаба, я настолько сжился с образом, рожденным моим воображением, что, когда, наконец, вошел в нужную дверь, едва не попятился, полагая, что ошибся. За светлым письменным столом сидел человек в штатском, отдаленно напоминающий меня самого, разве что постарше. То есть сутуловатый, лысеющий, с тусклыми и вроде бы хмельными глазами. Незнакомец встал из-за стола, протянул руку:

– Сидоров Григорий Иванович. Занятно, не правда ли? Начальник управления – Петров, я – Сидоров, а знаете, как фамилия дежурного по управлению?

– Неужели Иванов?

– В точку. В наше управление по фамилиям подбирают. Присаживайтесь, Андрей Сергеевич, сейчас мы с вами кофею выпьем. Пожарники гоняют, так я кофеварку в тумбочке под сейфом установил.

Сидоров походил на журналиста какой-нибудь западной газеты: твидовый пиджак, голубая рубашка, черный шерстяной вязаный галстук. Не хватало только сигары в зубах. Перехватив мой взгляд, Григорий Иванович спросил:

– Смущает мой гражданский вид? На совещание нужно ехать в одну контору, в форме неудобно. Читал в «Морском сборнике» вашу статью по поводу тропических болезней. Я в тропиках бывал не раз, так что вашу тревогу разделяю. Чувствуете, какой запах? Арабика! Теперь о деле. По нашим данным, один из региональных медицинских исследовательских центров ВМС США находился в Эфиопии. Где? Точно не известно. Может, в Ассабе. Не исключено, что и в столице. При необходимости поиск можно расширить. Переворот произошел настолько неожиданно, что эвакуировать подразделение американцы не успели. Вы что-нибудь слышали о центрах «Namre»?

– В общих чертах. У американцев, насколько я знаю, их несколько: в Северной Африке, Индокитае, кажется, на Филиппинах. Цели вполне мирные – изучение местной патологии, разработка средств защиты военнослужащих от тропических болезней и прочее.

– Верно. Вам с сахаром? Нет? Отлично. Не понимаю, как кофе можно пить с сахаром. Так вот, нам крайне важно знать, чем занимался этот центр. Вы летите консультировать больного и попутно могли бы помочь. – Сидоров покатал по столу карандаш. У него был такой вид, словно это занятие доставляет ему удовольствие.

Я удивленно посмотрел на него:

– Правильно ли я понял, что лаборатории центра брошены и я запросто могу их осмотреть?

– Не совсем так. В стране война. Вы знаете, мы оказываем Эфиопии многостороннюю помощь, и все же спецслужбы ревностно следят за нашими действиями. Нужно найти деликатный предлог, чтобы проникнуть в лаборатории.

– Проникнуть?

– Ну, уж если вам так не нравится это слово, то посетить. К тому же от вас требуется минимум – заключение специалиста о профиле лабораторий, – Сидоров улыбнулся. – Вас не могут не заинтересовать, скажем, оснащение лабораторий, технология исследований. Или я не прав?

– В общем, конечно. Американцы, судя по литературе, работают интересно, но как я могу попасть в этот центр?

– Есть несколько подходов. Я уже сказал, информация о центре, пусть даже минимальная, представляет особый интерес... Теперь кое-какие детали. В аппарате главного военного советника в качестве референта аккредитован наш сотрудник, он окажет вам максимальное содействие. Фамилия его Савкин. Валерий Николаевич Савкин. Госпиталь Красного Креста, где лежит больной, которого вы едете консультировать, обслуживается советскими специалистами. Вполне можете рассчитывать на их помощь. Конечно, в рамках ваших интересов. Но главное лицо, без которого, пожалуй, не обойтись, это эксперт ВОЗ в Эфиопии профессор Станев. Трифон Станев. Болгарин. Тропиколог, вирусолог. Учился в аспирантуре Московского института тропических болезней, доктор наук. Правда, с ним будет непросто – из диссидентов, и симпатий к нашей стране не испытывает. Знаете, есть такой тип интеллигентов: гуманисты, космополиты, абстрактные правозащитники.

– Я знаком с работами Станева. Серьезный специалист.

Григорий Иванович развел руки:

– А я о чем? В ВОЗ дураков не берут. Для знакомства с ним у вас есть повод – общие интересы. Военный врач интересуется актуальной проблемой, учитывая наше возрастающее присутствие в Африке. Не пойдет на контакт, черт с ним, будем изучать

другие варианты. Вот, собственно, и все. Если ситуация начнет осложняться, вас предупредят.

– Я должен представить какой-то документ?

– Краткий доклад о том, что вам удалось узнать. Составите по возвращении в Москву.

Сидоров встал, прошелся по кабинету, искоса глянул на меня и сказал:

– Имейте в виду, в курсе лишь Савкин. Расширять круг информированных лиц нецелесообразно. Хотите еще кофе?

– Нет, спасибо.

– Тогда мне остается пожелать вам всего доброго. В Африке вы уже бывали, особенности знаете, а о билетах, визе мы побеспокоимся. – Сидоров улыбнулся. Рукопожатие у него было влажное, рука горячая, словно его лихорадило.

5

В столичном аэропорту Боле меня встречал тот самый Савкин, коренастый молодой человек, больше похожий на шофера, слесаря, словом, на кого угодно, только не на референта: простое грубоватое лицо, костюм сидел мешковато, и говорил референт, как паренек с московской окраины.

«Такого действительно в толпе не различишь», – думал я, шагая за Савкиным. В машине, новеньком «пежо», Савкин болтал не умолкая, у меня даже голова разболелась от его трескотни. Но кое-что полезное я извлек: узнал, что капитан первого ранга Саратовкин чувствует себя лучше, что меня разместят в частной гостинице на Черчилль-роуд – рядом модный ресторан с национальной кухней, что в городе постреливают – сторонники Менгисту Хайле Мариама наводят революционный порядок и что нужно быть осторожнее. А еще Савкин пообещал организовать экскурсию по городу, но ни словом не обмолвился о поручении. «Может, не тот Савкин?» – недоумевал я, поглядывая в окно на современные, из стекла и бетона, дома.

– Пивка не хотите? – поинтересовался референт.

– Можно.

Машина свернула на узкую пустынную улочку, остановилась у одноэтажного с плоской кровлей дома. Над дверью прямо на стене синей краской было небрежно выведено: «Бар».

Савкин снял солнцезащитные очки и другим голосом, без торопливости, сказал:

– Андрей Сергеевич, я в общих чертах в курсе проблемы. Ловягин обещал вывести вас на Станева.

– Кто этот Ловягин? – Перемена, произошедшая с Савкиным, неприятно удивила меня.

– Наш советник по медицинским вопросам. Я

сказал ему, что вам, так, между прочим, желательно встретиться с экспертом ВОЗ. Обещал организовать.

Ловягин особой симпатии не вызывал. Вялый какой-то, с неподвижным, словно вылепленным из воска лицом. Во время осмотра Саратовкина советник по медицинским вопросам держался так, будто ему было непонятно, зачем он здесь вообще нужен. Судя по запаху перегара, советник вчера изрядно перебрал, так что состояние его понятно. Я просмотрел анализы, переговорил с коллегами, – сомнений не было: вирусный гепатит, притом протекает в легкой форме, какое-нибудь тропическое заболевание исключено, для реабилитации целесообразно на месяц-другой вернуться на родину. И эта проблема решалась легко – у Саратовкина впереди отпуск. Словом, ординарный случай, и тратить валюту ради этого слишком дорогое удовольствие, если, конечно, не считать основного задания.

Нужно было извлечь хоть какую-то пользу из командировки. Ведь еще не известно, удастся ли мне найти лаборатории центра и «проникнуть» туда.

Старейший госпиталь Красного Креста понравился. Первые отряды русских врачей появились в Абиссинии еще в конце прошлого века, при Менелике Втором, госпиталь же был открыт в 1946 году – типично русская акция – страна лежала в послевоенных руинах, люди голодали, ютились в землянках, а Россия оказывала эфиопам гуманитарную помощь. Госпиталь оснащен современным оборудованием, в нем работают врачи высокой квалификации. Чистота, порядок.

После госпиталя Ловягин повез меня в офис, где размещался аппарат главного военного советника. Там, в одной из комнат, нас поджидал Савкин. На референте были вылинявшие джинсы и майка с отпечатанной на ней физиономией Джона Леннона.

– Извините, что в таком виде, – сказал он. – Из гаража. Пришлось запаску ставить. Ну, какие новости?

Ловягин облизнул губы:

– Валера, достань заветную бутылочку. У меня после вчерашнего бодуна сердце останавливается.

Савкин ухмыльнулся. Лицо его снова преобразилось – этакий приклатненный паренек, оторви и брось.

– Пить нужно уметь, товарищ полковник.

Повернул в дверях ключ, достал из сейфа початую бутылку виски и две рюмки, спросил у меня:

– Вы как, Андрей Сергеевич?

– Спасибо, не хочу.

– Ладненько. Тогда мы доктора Ловягина взбодрим.

– Ох, зараза! – Ловягин поморщился, передернул плечами. – Ничего, сейчас отпустит.

«Хорош», – с неприязнью подумал я о нем. Глянул в окно: ажурную каменную ограду оплела бугенвиллея с фиолетовыми и розовыми цветами. Казалось, что эта яркая, переливающаяся масса, как нечто живое, изгибаясь, выползает на узкую улицу. Напротив поблескивали стальные ворота какого-то посольства. Флаг на мачте обвис, и непонятно было, какому государству он принадлежит.

Через несколько минут Ловягин стал розоветь, в глазах появился блеск.

– В общем, так, – он впервые за все время взглянул на меня, – в понедельник в десять утра нас ждут в лепрозории. Час на ознакомление с богоугодным заведением. Едем втроем: вы, коллега, я и ты, Валера. В роли толмача. – Ловягин усмехнулся. – Заодно проверим тебя на стойкость.

– Каким образом? – удивился Савкин.

– Несколько часов среди прокаженных. Проказа – это тебе не триппер.

– Спасибо, успокоил. И как вам, товарищ полковник, удалось организовать эту паскудную экскурсию?

– Без проблем, – Ловягин улыбнулся, показывая мелкие голубоватые зубы. – Земляка встретил.

– Прокаженного? Вот те раз!

– Нет, главного врача лепрозория.

– Он что, русский?

– Эфиоп. Но учился у нас, в Питере. Зовут Габре. Говорит по-русски свободно. Малый толковый. И к нам хорошо относится. К тому же какой-то дальний родственник министра обороны.

Я, наконец, решился включиться в разговор:

– А какой смысл в посещении лепрозория?

– Смысл? – Ловягин хмыкнул. – Там проводится какой-то симпозиум или что-то вроде институтской конференции.

– Институтской?

– Да. На территории лепрозория располагается научно-исследовательский институт имени Хансена. Я, к сожалению, а может, к счастью, в самом лепрозории не был. С Габре познакомился в нашем посольстве. Он дал телефон. Кстати, на симпозиуме будет Станев. Вы ведь хотели с ним встретиться?

– Да. Интересный ученый.

– Темная лошадка этот Станев. – Ловягин пожал плечами. Видно, он уже отошел, лицо его, во всяком случае, приняло осмысленное выражение. – Держится особняком, эстет, любитель живописи, африканской старины. Его частенько можно встретить в художественном салоне. Русских не жалуется, хотя иногда бывает в советском посольстве. Фильмы ему советские нравятся. Круг знакомств – врачи, причем в основном

иностранцы и эфиопы из радикально настроенных интеллигентов. Хотя политики избегает. Высокотерпимый тип.

Савкин убрал виски и запер сейф.

– Не преувеличивай, Коля, нормальный он мужик. Положение у него сложное: он же представляет Всемирную организацию здравоохранения, тут не до политических симпатий и антипатий. Деньги-то он в воровской кассе получает.

«Похоже, меня уже инструктируют», – подумал я. Я все никак не могу подавить раздражение и поэтому довольно резко спросил:

– А как вы меня представите?

– Как? – удивился Савкин. – Представим как есть. Зачем выдумывать? Специалист из Москвы. Прилетел консультировать больного. Интерес к лепрозории вполне понятный. Насколько я знаю, дирекция заинтересована в контактах с иностранцами.

– Вот-вот, заинтересована, – мрачно заметил Ловягин. – Известно ли вам, господа офицеры, что для посещения лепрозория требуется разрешение посла?

– Ну, это не проблема. – Савкин подбросил связку ключей на ладони.

– И знаете почему? Лепрозорий ищет дополнительные источники финансирования, а наша страна, как ни странно, в гуманитарной акции не участвует. Посему в разговоре нужно избегать этой темы.

Савкин рассмеялся:

– Переводить-то буду я. Да и Андрей Сергеевич осечки не даст. Кстати, как у вас с языком? Вы английский изучали?

– Английский.

– Обычно русские, даже ученые, в анкете пишут: «Читаю со словарем». А вы?

– Читаю без словаря, довольно свободно. Правда, специальную литературу. А вот разговорный... На рынке, в магазине, в гостинице смогу объясниться.

– Ясенюко. Станев, между прочим, хорошо говорит по-русски. Тоже учился у нас, в аспирантуре. Он вообще полиглот, не то пять, не то шесть языков знает. По стране без переводчика разъезжает.

Ловягин встал, потянулся.

– Ну что, все вроде решили. Андрей Сергеевич, вы прикиньте план на неделю, что показать, куда свозить. В Африке приходилось бывать?

– И не раз. Гвинея, Сомали, да и в Эфиопии я не первый раз.

– Тем более. Я вхожу к начальнику Центрального армейского госпиталя, в нем наши хирурги и стоматологи работают. Из Ленинграда, из Москвы. Раненых много. В пустыне Огаден целое сражение. На стороне Эфиопии воюют кубинцы. Это, я вам скажу, вояки что надо. А руководит операци-

ями наш генерал армии Петров, эфиопы его боготворят. Потери с обеих сторон огромные. У меня есть отчеты. Если интересно, покажу.

– Интересно. – Я тоже встал.

– Сегодня вам нужно отдохнуть после дороги, – сказал Савкин. – Полковник, ты на колесах?

– Шутить изволите? Здесь за вождение автомобиля в нетрезвом виде – пожизненное заключение. Так что уж подбрось меня до нашего дома. Кстати, известно ли вам, что завтра воскресенье? Чем, Валера, собираешься развлекать гостя?

– А ведь верно, воскресенье, – Савкин хлопнул себя по лбу. – В этой круговерти забудешь, как тебя зовут. С утра разберемся с делами, а потом мотанем в Содери. Побывать в Адисе и не увидеть Содери – позор. Место сказочное: бассейн с радоновой водой, речка Аувеш с крокодилами – сплошная экзотика. Врачи из госпиталя там будут, дипломаты. Трифон Станев туда навещается. Взглянете на него. Спортивный мужик. С вышки лихо сигает. Обеспечение я беру на себя. А теперь перекусим в нашей столовой и в гостиницу.

6

С лоджии, затянутой металлической сеткой, видны были островерхие, в прозелени, хижины, сложенные из жердей и соломы в виде шатров, – стилизация под эфиопские тыкули – модный ресторан с национальной кухней. Хорошо бы посидеть сейчас в таком шатре. У эфиопов, говорят, есть очень вкусные блюда и превосходное вино, изготовленное из меда. Но посещение ресторанов, тем более одному, строжайше запрещено. Да и денег нет. Аванс за командировку обещали выдать в понедельник, а занимать у Савкина не хотелось. Я спустился на лифте в холл отеля.

Бой в униформе открыл дверь лифта. Портье с фиолетовыми вывернутыми губами спросил у меня:

– Не хочет ли мистер поменять деньги на местную валюту? Можно не только доллары или фунты, но и рубли.

– Благодарю вас, нет, – ответил я, в который раз удивляясь, что понимаю по-английски и даже пытаюсь говорить.

Портье, подмигнув, тихо сказал:

– Понадобится девочка, скажите. Полная гарантия. Есть и белые.

Черт его знает, у меня на физиономии, что ли, написано, что мне можно девок предлагать? Портье, видно, принял меня за состоятельного иностранца.

...Под окном в ресторане гремел оркестр.

Ночью постреливали. «Красный террор» продолжался. Засыпая, я подумал, что давно уже утратил чувство опасности.

7

В понедельник в начале девятого утра Савкин и Ловягин уже были в гостинице. На бледном лице Ловягина запечатлелось брезгливое выражение, – значит, вчера опять перебрал. Начал в Содери, а вечером, видно, продолжил. Савкин же, напротив, выглядел бодрячком. Его грубоватое, простодушное лицо не выражало ничего, кроме детского любопытства. Белый фланелевый пиджак сидел на нем как поварская куртка.

– Вы позавтракали? – спросил Савкин.

Я пожал плечами:

– Чашка кофе и бутерброд – весь мой завтрак. Кипятильник, кофе и все необходимое вожу с собой.

Меня раздражало, что Савкин и люди, стоявшие за ним, диктуют мне свою волю. Особенно смущала встреча со Станевым, точнее, роль, которая мне уготовлена. Звучит-то как «выйти на контакт».

Вчера в Содери Трифон Станев мне понравился. Худощавый, прекрасно сложенный, красивый человек: вьющаяся, с проседью, шевелюра, густые, сросшиеся у переносицы брови и яркие голубые глаза на мужественном загорелом лице. И с вышки он прыгал превосходно. Дипломаты, разместившиеся в стороне от всех, аплодировали ему. Немцы, кубинцы, поляки, чехи, французы, латиноамериканцы образовали как бы отдельную колонию. Толстый кудрявый француз в облегачихах, до колен, похожих на кальсоны трусах показывал карточные фокусы, заигрывал с молоденькими девушками. Чувствовалось, что Станев здесь свой человек. Он был с женой и дочерью – неуклюжим подростком. Жену я толком не разглядел. Лицо ее было прикрыто широкополой шляпой, на плечах голубой купальный халат. По пляжу между отдыхающими разгуливало целое стадо обезьян. Вели они себя нагло. Забирались на крыши автомобилей, воровали фрукты, конфеты. Крупный, с седой гривой самец выхватил из руки дочери Станева очищенный банан, а когда девочка замахнулась на него, зло оскалится.

Сам Содери не произвел на меня впечатления. Квадратная чаша бассейна, лежаки, кабинки для переодевания, бар с японской стереосистемой, выросли растений, напоминающих акацию. А вокруг лысые горы. В голубом выцветшем небе кружили грифы. Заурядный курорт. А я не любил курорты. На меня плохо действовала обстановка праздности.

После купания в радоновой воде у меня началось сердцебиение. Я вообще чувствовал себя неловко. В стране полыхал «красный террор», в пустыне Огаден шли затяжные, позиционные бои, а здесь сытые, беззаботные люди в дорогих купальных костюмах наслаждались покоем. Может, поэтому я охотно принял приглашение Ловягина пообедать в ресторанчике. Официант подал нам какой-то странный салат – я так и не понял, из чего он, и национальное блюдо – инжеру: большой кислый блин из серой муки с необыкновенно острой мясной подливкой. Савкин пил минеральную воду, Ловягин – джин с тоником, а я предпочел папайю, сбитую с мороженым. Вот это было действительно вкусно. После обеда я купаться отказался, устроился в шезлонге и осторожно наблюдал за Станевым. По внешности никогда не скажешь, что он ученый, скорее, профессиональный спортсмен, киноактер, бизнесмен на отдыхе, что-то в этом роде. Те же из работ Станева, что я прочел, поразили меня оригинальностью подхода к теме, широтой эрудиции. Занимался он тропическими инфекциями, но, судя по последним статьям, основной его интерес вращался вокруг болезни, позже названной СПИДом. В советской печати об этом заболевании появились лишь первые сообщения, хотя шифровки стали поступать два года назад, и было неясно, почему сведения о болезни скрывались от общественности.

...По дороге в лепрозорий я неожиданно для себя уснул – сказалась бессонная ночь. Проснувшись, когда «пежо» уже подъезжал к воротам лепрозория. Рослый полицейский после короткого разговора с Савкиным жестом указал, где припарковать автомобиль, затем пояснил, как пройти в административный корпус.

Первое, что я с изумлением увидел, оказавшись на территории лепрозория, была лошадь – белая ухоженная кобыла стояла на ярко-зеленом подстриженном газоне. Вдоль узкой заасфальтированной дорожки, ведущей к административному корпусу, был разбит розарий. «Лошадь, розы и проказа. Декаданс какой-то», – подумал я, озираясь: слева и справа среди зелени стояли несколько корпусов. Поразительная чистота, кусты и деревья аккуратно подстрижены. Такое впечатление, что я оказался на территории какого-нибудь санатория в Хосте или Сочи.

Нас встретили три эфиопа в строгих костюмах. Один – высокий, сутуловатый, седой – директор, другой – моложе, лет тридцати, улыбающийся – главный врач, тот самый Габре, третий – низкорослый, полный, скорее, походил на араба. Позже выяснилось, что это коммерческий директор.

Габре, пожимаая руки, свободно заговорил по-русски, тут же переводя на амхарский. Директор и его спутник внимательно слушали. До начала симпозиума оставался час с небольшим – не так уж много времени, чтобы осмотреть крупнейший в мире лепрозорий.

– Не возражаете, если кофе выпьем несколько позже? – спросил Габре. – Времени, как говорят русские, «в обрез».

Пояснения давал Габре, оба директора, скорее, исполняли роль статистов. Я был поражен – мое представление о лепрозориях никак не уязвлялось с увиденным. Социологический центр с парком новеньких, выкрашенных в желтый цвет «лендроверов», амбулатория, где велся – спянуть можно! – амбулаторный прием прокаженных, терапевтический и хирургический блоки, превосходно оснащенная лаборатория. Все это стоило немалых денег.

Прокаженных не только лечили, их поддерживали материально, трудоустроивали и, что самое удивительное, как бы заново готовили к жизни. При социологическом центре была создана учебная база: несколько тыкулей – островерхих хижин с очагом и набором утвари. Я сначала подумал, что это нечто вроде музея, оказалось, в тыкулях прокаженных обучают готовить пищу. При некоторых формах проказы больные теряют чувствительность и могут погибнуть от ожогов. Специальные инструкторы, если так можно выразиться, обучали их технике безопасности.

Лечебные корпуса, лаборатория построены по специальному проекту – обожженный кирпич, стекло, бетон, в стороне, в технической зоне, гаражи, конюшни. Виллы для обслуживающего персонала утопали в цветах.

– Кто финансирует лепрозорий? – спросил я, забыв о предупреждении Ловягина.

Габре улыбнулся:

– Средства поступают из различных источников: ЮНЕСКО, международные благотворительные организации, церкви, частные пожертвования. Кое-что зарабатываем сами.

– Каким образом?

– У нас есть мастерские. Больные шьют одежду, изготавливают сувениры. Это дает солидную прибыль. Кроме того, мы располагаем собственными плантациями, где выращиваем овощи, фрукты.

– А белая лошадь? Я не специалист, но думаю, стоит больших денег.

– Конюшня у нас небольшая, лошади – экономичный транспорт, к тому же мы, эфиопы, любим лошадей, на больных они оказывают психотера-

певтическое воздействие. А белая кобыла – собственность одной из сотрудниц.

– Кстати, о персонале. Среди сотрудников много европейцев?

– О да! У нас интернациональная бригада врачей и лаборантов. В основном англичане, шотландцы, есть и немцы, бельгийцы. По понятным причинам мы вынуждены жить очень замкнуто, поэтому нас не затронули мировые проблемы. Протестанты, католики... Христиане очень дружны, а политикой мы не занимаемся. Есть специалисты, работающие в лепрозории много лет, – истинные подвижники.

Габре помолчал и тихо, но с большим чувством добавил:

– Понимаете, коллега, наша задача не только лечить больных, но и дать им почувствовать, что они не отверженные, не изгои. Этими проблемами занимается социологический центр. А теперь давайте пройдем в хирургический блок.

– Может, я здесь пока покурю? – тихо, осевшим голосом спросил Савкин.

Ловягин, слегка усмехнувшись, подтолкнул его:

– Идем, идем, толмач. Такое нужно хоть раз в жизни увидеть. Или трусишь?

– Да иди ты...

Больные в хирургическом блоке, что, впрочем, неудивительно, произвели тяжелое впечатление – слепые, изъеденные проказой человеческие обрубки. В коридоре, у самого входа, на коляске сидел старик. У него не было рук и ног, лицо в бугристых наростах, страшные вывернутые губы, пустые, остановившиеся глаза. Жизнь чудом теплилась в останках его высохшего тела.

– К сожалению, очень много запущенных случаев, особенно среди больных из дальних деревень. Боюсь, вы не представляете, как еще живут бедняки. Каменный век. Болеют целыми семьями, особенно жаль детей. При такой инкубации клиника проявляется в более зрелом возрасте, но недавно пришлось ампутировать ногу шестилетнему мальчику. – Габре вздохнул. – И малыш – вы не поверите! – был очень рад. Ведь ему наш протезист, Фостер, пообещал сделать железную ногу и подарить ботинки. Бедняга никогда не носил обуви.

Савкин издал слабый, лающий звук и покачнулся. Я едва успел подхватить его под руку. Референт был бледен, на лбу выступили крупные капли пота, чувствовалось, что он предпринимает отчаянные попытки не упасть в обморок. Ловягин помог ему выйти.

– Ко всему нужно привыкнуть, – грустно сказал Габре.

Кофе пили в кабинете Габре, просторном, об-

тавленном удобной мебелью. Тоненькая девушка в голубом платье вкатила столик, на нем кофейник, керамические чашки, бутылка джина «Олд мен», тоник, содовая в сифоне.

Беседовали вчетвером. Директора, сославшись на занятость, удалили. Разговор сразу оживился, особенно после джина с тоником. Савкин, хотя ему предстояло вести автомобиль, тоже выпил.

– Я недавно чуть не сгорел в вертолете, у границы с Суданом нас сбили сепаратисты, – сказал он. – Два советника и пилот – напал. Но, ей-богу, я лучше себя чувствовал.

Ловягин ухмыльнулся. Он порозовел, глаза его блеснули.

– Ничего, будешь теперь медицину уважать.

Девушка разлила кофе и вопросительно посмотрела на Габре.

– Спасибо, вы можете идти, – сказал он по-амхарски, но я понял значение слов.

Лицо Савкина исказила гримаса, он с ужасом смотрел на руки девушки: на тыльной поверхности кистей отчетливо проступали лепроматозные узлы. Девушка была больна.

«А у тебя, брат, с нервишками-то не очень», – подумал я.

Девушка сделала книксен, вышла.

– Среди персонала не было случаев заболевавший? – спросил я. Вопрос задал специально, чтобы успокоить референта.

Габре пожал плечами:

– Нет. У нас жесткий режим. К тому же, как вы знаете, проказа передается при длительном бытовом контакте. Я здесь пять лет, но ни о чем подобном не слышал.

Я отпил глоток кофе, покосился на Савкина.

– Кофе превосходный. Пейте, Валерий, на свете не так уж много людей, кому довелось выпить чашку кофе в лепрозории.

Лицо Габре расплылось в довольной улыбке.

– Тем более что вы первые русские, посетившие наше учреждение.

Он встал, подошел к окну. Ловягин тихо спросил у Савкина:

– Ты, случаем, в штаны не наложил? А то как-то все ерзаешь.

Савкин поиграл желваками.

– Ничего, док, я с тобой еще посчитаюсь.

В холле института собрались ученые, врачи лепрозория, гости. Габре представил меня Трифону Станеву:

– Доктор Насонов Андрей Сергеевич.

Станев крепко пожал руку и удивленно спросил:

– Насонов? Погодите-ка, вы из Москвы?

– Да.
 – Мы с вами, кажется, в сборнике ВОЗ вместе печатались? Сборник ведь на русском тоже выходит?
 – Выходит. Ваши статьи я тоже читал. Заочно мы давно знакомы.

Станев свободно говорил по-русски, чуточку по-московски «акая».

– Потрясно! – он рассмеялся. – В мои годы это было модное среди аспирантов словечко. Ну что ж, рад. Вы ведь в Содери были в воскресенье?

– Был. До сих пор от инжеры изжога.

– Да, блюда на любителя. А почему не подошли?

Я отметил, что Станев демонстративно игнорирует Савкина и Ловягина. Ограничился кивком, даже руки не подал.

– Как-то знаете... полагал, что неловко без представления.

– Вздор. Пусть в эти игры дипломаты играют. Мы – врачи. А в Адису зачем? Если, конечно, не секрет.

Я почувствовал, что краснею. Со мной случилось крайне редко.

– Приехал консультировать больного.

– Это морского советника? Так там вроде все нормально. Хотя да, начальство... Одна из особенностей страны, провозгласившей всеобщее равенство. Да бог с ним, важно, что вы здесь. Мы здесь каждому новому человеку рады, к тому же из Москвы. Что вы сегодня вечером делаете, коллеги, скажем, часов в семнадцать?

– Навещу больных в госпитале и потом свободен. Черт знает, госпиталь – солидное учреждение, а инфекциониста нет. И отделения нет. Не понимаю.

Станев развел руками:

– Тут много не припривычно. Подъезжайте ко мне к семнадцати. Моя лаборатория при институте Пастера. Вход отдельный. Да я вас встречу. Персонал к тому времени отпущу, посидим, поговорим. Только этих с собой не берите, – он небрежно кивнул в сторону Ловягина и Савкина. – И еще – пусть вас подбросят на госпитальной машине. Руководство ревниво относится к моим встречам с русскими. Ну что, годится?

– Годится, – я неуверенно улыбнулся.

– А живете вы где? Я имею в виду Москву.

– На Усачева, станция метро «Спортивная».

– Невероятно! Моя аспирантская молодость прошла на Малой Пироговке. Институт имени Марциновского, а напротив Усачевского рынка общежитие. В последний раз в Москве я был в семидесятом, восемь лет назад. А сейчас не пускают даже с воевским паспортом.

– Трифон, вы так говорите по-русски, что даже оторопь берет. Все-таки восемь лет...

– Ежедневная практика. У меня жена русская, Маша. Она, правда, болгарская гражданка и родилась в Софии, но семья русская. Веточка еще той, первой, эмиграции. Дед у нее генштабистом был, полковником. Столбовой дворянин. Натерпелись, когда к власти пришли коммунисты.

– Теперь ясно. А какой проблеме посвящен симпозиум?

– Предварительное сообщение о создании лепрозной вакцины. Ну и все, что вокруг этого.

– Вакцины?

– Мне это тоже недавно казалось фантастикой, но, похоже, ребята настроены серьезно...

После конференции по дороге в госпиталь Савкин спросил:

– И о чем вы договорились?

– Сегодня в семнадцать Станев ждет меня в своей лаборатории.

– Вы даете... Темпы, как на ралли. А где его лаборатория?

– В институте Пастера. Но вам незачем беспокоиться. Меня доставят на госпитальной машине.

Савкин со скрипом потер подбородок и задумчиво произнес:

– Толково. Осторожный человек ваш Станев. Ничуть не удивлюсь, если узнаю, что он не только эксперт...

– Глупости. Прекрасный человек, ученый с мировым именем.

Савкин вздохнул:

– Все мы прекрасные люди.

Дорогу преградила колонна тупорылых грузовиков с кузовами, затянутыми брезентом. Они двигались медленно, с зажженными фарами.

– Кубинцы. Боеприпасы везут. – Савкин нахмурился. – Как минимум полчаса проторчим в пробке.

Один из грузовиков вырвался из колонны на обочину, дверца распахнулась, выпрыгнул здоровенный негр в хаки и не спеша направился к лавке, торгующей сигаретами. Пока он покупал сигареты, спереди и сзади грузовика, преграждая ему дорогу, припарковались два автомобиля: потрепанный «фиат» и красный горбатый, похожий на божью коровку «фольксваген». Кубинец забрался в кабину, пару раз нажал на клаксон, требуя освободить дорогу, – реакции не последовало, тогда грузовик, ревя мотором, поддал «фольксваген» в задний бампер – и тот свалился в кювет. Грузовик как ни в чем не бывало стал догонять колонну.

– Решительные ребята, не церемонятся, – рассмеялся Ловягин. – Не то что мы.

8

До обеда я работал в госпитале Красного Креста. Саратовкин чувствовал себя хорошо, даже попросил, чтобы его выписали.

– О выписке говорить пока рано. – Я улыбнулся.
– Необходимо завершить курс лечения, вирусный гепатит – болезнь серьезная. Потом реабилитация...

Наскоро перекусив в столовой, где питались советники, мы с Ловягиным поехали в Центральный армейский госпиталь. Отделения госпиталя были заполнены ранеными, по двору бродили однорукие, в колясках сидели безногие мальчишки. Хирург, полковник, преподаватель с кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии, сказал, жадно затягиваясь сигаретой:

– Представляете, по десять-пятнадцать ампутаций в сутки! А сколько полостных операций. В Асмаре еще тяжелее. Там наш медицинский отряд развернут. Ребята с ног валяются.

– А почему больные с дизентерией лежат в общих палатах с ранеными?

– Эх, Андрей Сергеевич, до того ли? Мы тут обследовали одного парнишку, так у него кроме осколочного ранения бедра туберкулез, гельминтоз, микоз, малярия и черт его знает что еще. Врачебная комиссия у них оригинально подходит к определению срока отпуска по ранению. Какие статьи? Какие параграфы? На дорогу дается столько суток, сколько потребуется доехать от столицы до родной деревни на... осле. Мальчишек жаль. Молодые, необстрелянные, гибнут сотнями. Тяжелораненых практически не эвакуируют. Поверьте, я сесть начал, что ни день – больше. Дома не узнают. Если вернусь...

Станев ждал. Как только госпитальный «мерседес» с синими крестами на кузове подкатил к институту Пастера, Трифон в белом халате вышел навстречу, и я в который раз с завистью отметил – до чего же хорош болгарин.

– Привет, – Трифон крепко пожал руку. – Как говорится, точность – вежливость королей. Начнем со знакомства с лабораториями, а потом уже поговорим. Не возражаете?

– Нет, вполне...

Одноэтажное белое здание, лестница в несколько ступенек, неприметная дверь, а вот то, что я увидел дальше, напоминало пещеру Аладдина, – во всяком случае, именно такое сравнение пришло мне в голову, хотя лаборатории меньше всего походили на иллюстрации к восточной

сказке, в них торжествовал доведенный до абсолюта рационализм. Впрочем, я вряд ли обратил бы внимание на жемчуг или золотые побрякушки, зато я увидел центрифугу с недоступными воображению скоростями, термостаты, удерживающие температуру в заданных параметрах, холодильные агрегаты, компактные электронные микроскопы. Особенно меня поразил вирусологический блок со специальным крематорием для отработанного воздуха, чтобы заразный материал не попал за стены лаборатории. И все было расставлено, смонтировано, закреплено с предельными удобствами для работающего специалиста. Мягкий, рассеянный свет, выкрашенная в тускло-салатный цвет мебель, на столах автоматические точилки для карандашей, калькуляторы. В небольшой библиотеке можно было расплакаться от умиления: на полках стояли напоминающие поэтические сборники книжицы с номерами. Станев, перехватив мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Это что-то вроде научных дайджестов, подборка всех современных материалов по проблемам. Не нужно перебирать горы журналов. Все под рукой. В соседней комнате компьютер с ящиком дискет.

– Да, впечатляет... Я бывал в национальных институтах Пастера – ничего подобного.

– И не увидите. Это ведь не институт Пастера и не его филиал.

– А что?

– Американская лаборатория.

– Черт побори, я о них слышал. Аббревиатура – «NAMRE»?

– Точно. Лаборатории у них шли под номерами. Эта номер пять.

– А как она здесь оказалась?

– Не знаю. Насколько могу судить, о деятельности лаборатории, или точнее центра, не знали и власти, сдавшие помещение в аренду. Так, в общих чертах. Во время переворота американцы ничего не успели вывезти. Тут такое творилось, что хватило времени только на то, чтобы унести ноги. А теперь идемте, я вам еще кое-что покажу.

Мы прошли в подсобный блок, где стояли автоточилки и рефрижераторные камеры.

– Какова направленность работ центра? – спросил я, шагая вслед за Станевым. – Чем они здесь занимались?

– Внешне – ничего особенного. Изучали региональную патологию. Но я сразу обратил внимание на необычный штат. В лабораториях работали вирусологи, иммунологи и... орнитологи.

– Вот уж действительно. А орнитологи зачем?

– Изучали птиц, и притом исключительно перелетных: из северо-восточных районов Норвегии, Финляндии и России. Есть недурно исполненные карты. Специалисты здесь работали высокого класса. Я так понимаю, ребята пытались разгадать загадку ряда заболеваний среди аборигенов севера, так называемых лихорадок невыясненной этиологии. Клеши в природных условиях заражаются в Африке и вместе с птицами отправляются к лопарям и эскимосам. А мы потом ломаем голову – откуда?

– Трифон, но ведь у этих ребят, скажем так, есть, точнее может быть, и другая направленность деятельности. Пусть даже приватная. Не находите?

– Это меня и тревожит. В центр я попал случайно. Осматривал институт, когда приехал, и... признаться, как и вы, испытал легкий шок. Я в последнее время занимаюсь СПИДом. Пока это проблема для Африки и США, но убежден, вскоре это станет «мировым поветрием», как сказано в книгах Соломона. Я потом вам покажу иммунологический отдел, – ахнете! Местное начальство, по-видимому, было не в курсе, и мне разрешили здесь обосноваться. А вот это не может вас не заинтересовать.

Станев распахнул термоконтейнер с толстыми стенками и извлек из штатива большую пробирку с пробкой, залитой парафином.

– Культура тканей?

– Да. А на ней подращен вирус лихорадки Марбург, или, как еще называют, циропинековой лихорадки.

– Или, – продолжил я, – вирус болезни мартышек-верветов, смертность от которой среди людей превышает смертность от чумы. На кой черт это американцам? Выделить вирус они здесь не могли, в Эфиопии нет лихорадки Марбург. Замбия, Либерия, Уганда, ЮАР.

– Вы не упомянули Кению. Культуры выделены у собак и грызунов в приграничных с Кенией районах. Правда, в отчете об этом сказано мало. Еще одно любопытное обстоятельство – при энтомологическом отделе были специалисты по ядовитым членистоногим. Зачем?

– Ну, это-то ясно. В лабораториях этого типа обычно есть такие специалисты.

– Возможно. Я разыскал целый трактат о ядовитых пауках.

«Он умышленно уводит меня в сторону. Намекнул и дальше», – подумал я.

В кабинете Станев включил кофеварку, извлек из холодильника бутылку и два высоких бокала.

– Сегодня мы ограничимся ракией и кофе. Вечером мне предстоит раут в посольстве. Завтра

тоже весь день расписан. Коллега прилетает из Дакара. А уж послезавтра вы не отвертитесь, Андрей. Нас пригласил к себе на холостяцкий ужин мой друг профессор Тод. Он славный парень, только слегка свихнулся на кулинарии. Его родственник – личный повар бывшего императора Хайле Селассие. На этой почве Тод стал монархистом, ненавидит нынешнюю власть, считает их кучкой экстремистов из недоучившихся офицеров. Как?

– Право, не знаю... Есть сложности.

– Плюньте на сложности. Пока варится кофе, давайте дернем по одной. Тут иногда такая тоска нападает. Поехали?

– Поехали.

Мы выпили по рюмке ракии, закусили поджаренным арахисом.

– У меня из головы не выходят эти орнитологи, специалисты по птичкам, – сказал я.

– Будь у вас побольше времени, вы могли бы ознакомиться с отчетом. На английском читаете?

– Более-менее.

– Ну, так хоть полистайте. Американцы в спешке даже полугодовой отчет бросили. Правда, он всего лишь под грифом «конфиденс» – для служебного пользования.

Станев достал с полки аккуратно переплетенный отчет и положил на стол.

– Жаль, что я не могу вам дать его на вечер. На днях приходили какие-то типы и сказали, чтобы я подготовил все материалы для передачи им.

Я наскоро пролистал отчет. Не нужно быть специалистом высокого класса, чтобы оценить его значимость. Но внимательно изучать материалы в присутствии Станева было неловко, и я не без сожаления отодвинул отчет.

Эксперт ВОЗ поднялся.

– Что ж, мне, пожалуй, уже пора. Послезавтра я заеду за вами в гостиницу, часов в семнадцать. Машину вы отпустили?

– Да.

– Я отвезу вас...

Утром у гостиницы меня поджидал Савкин, как всегда бодрый, тщательно выбритый. От него пахло туалетной водой. На нем были немислимые, апельсинового цвета брюки и пестрая гавайская рубашка.

– Давайте прокатимся, Андрей Сергеевич. Я вам хоть город покажу.

– Бросьте вы эти танцы. Вам ведь не терпится узнать, что я видел в лаборатории Станева?

– Конечно. Только отъедем подальше. Портье не предлагал вам повернуть валютную операцию?

– Вы и это знаете?

– Он предлагает всем солидным гостям. А вы выглядите вполне респектабельно.

– Между прочим, он мне и девок предлагал.

– И что? Отказались? Зря.

– Ну вас к дьяволу, паркуйте вон у того магазина. Мне в госпиталь нужно.

– Один момент.

Я коротко изложил Савкину все, что увидел в лабораториях центра и узнал от Станева. Савкин слушал с каменным лицом, потом с досадой сказал:

– Да, потрясающее везение. Верно сказано...

– Что? Дуракам везет?

– Ну зачем же так? Просто замечено – рыбак, впервые отправляющийся на рыбалку, обязательно поймает большую рыбу. А тут месяцами маешься...

– Я, между прочим, не рыбак.

– А зря. Хорошее занятие. Очень успокаивает нервы. А как вы оцениваете отчет?

– К сожалению, я его только пролистал, но в принципе я готов дать оценку профилю работы центра, он достаточно необычен.

– Как, кстати, выглядит этот отчет?

– Картонный переплет, желтый такой. Да он на полке один. Хотя, погодите, Станев его на столе оставил.

– Понял.

– У меня тут проблема одна возникла.

– Какая?

– Станев пригласил меня в гости к профессору Тоду. Поговорить, выпить.

– Ну и что?

– Как что? Нас же инструктировали: никаких частных посещений и прочее. Я согласился, неудобно было отказаться. А сейчас не знаю, что делать.

– А когда нужно быть у профессора?

– Послезавтра вечером. Трифон заедет за мной в гостиницу.

– Тоже мне проблема. Поезжайте. Обеспечение есть?

– Что еще за обеспечение?

– Черный хлеб, водка.

– Есть, конечно. Даже пара банок кетовой икры.

– Водка какая?

– «Столичная».

– Сойдет. А икрой вы профессоров не удивите.

В супермаркете – навалом. Нужна большая банка килекпряного посола.

– Терпеть не могу.

– Вы – ладно, а профессорам экзотика. Я обещаю. Вы не заметили, какой замок на входной двери в лабораторию и есть ли сигнализация?

Я похолодел.

– Вы что, спятили? Отчетом уже интересовались местные органы. Представляете, в какое положение вы меня ставите перед Станевым?

Лицо у Савкина стало жестким.

– Это не ваши проблемы, Андрей Сергеевич. Ваша задача – дать заключение о направленности работы лабораторий центра. А остальное, как говорится, вопрос техники.

Когда я вернулся в гостиницу, портье вручил мне аккуратный сверток.

– Мистер Насонофф, это вам передал мистер Савкин. Надеюсь, это не противопехотная мина?

– Я тоже надеюсь. – Я достал пачку сигарет «Тройка» и протянул ему: – Московский сувенир.

– Спасибо.

В свертке оказалась обещанная банка килекпряного посола. По форме банка действительно напоминала мину. Я сунул банку в холодильник, поймав себя на мысли, что мне не хочется идти к Тоду. Смеркалось. Я сидел на лоджии, снизу, из ресторана, потягивало ароматным дымком. Никогда еще я не испытывал такого одиночества. Спустился в бар, купил бутылку виски «Белая лошадь», в номере налил полный, до краев, стакан, с отвращением выпил и лег в постель. На потолке вздрагивали, перекрещивались светлые полосы, в отдалении слышались гудки автомобилей, где-то рядом отстучала автоматная очередь. Город жил, ворочался, убивал, любил. Вскоре я уснул, словно провалился в черный осклизлый колодезь.

В половине девятого утра меня разбудил Ловягин. Вид у него был озабоченный.

– Собирайтесь, коллега, в десять вас приглашает к себе заместитель главного военного советника генерал Коберидзе.

– Зачем я ему?

– Не знаю. Что это вы пили вчера? Никак по запаху определить не могу.

– Виски. Скажите, вам нравятся белые лошади?

Ловягин с удивлением посмотрел на меня.

– Вам что, лошадь приснилась? Так сказать, материализация паров виски? Небось, «Белую лошадь» пили. Бывает. Мне однажды после солидного бодуна приснился бурый медведь, который брлся электробритвой. Поторопитесь, вам еще нужно позавтракать.

– А где Савкин?

– Готовится в командировку в Массауа. Вылет в двенадцать. Город в блокаде, еще неизвестно, пробьются они туда или нет. Пыльная работенка у Валеры, все тридцать три удовольствия.

«Да уж, – подумал я, – хуже не придумаешь. Интересно, успел он повернуть дело с отчетом?» Мысль эта отвлекла меня, и по дороге в офис я размышлял о том, что ужин у профессора Тода должен пройти интересно. И вообще, пора понастоящему осмотреть город.

Коберидзе оказался светлоглазым и светловолосым человеком. Он совсем не походил на грузина.

– Андрей Сергеевич, как дела у Саратовкина? – спросил генерал.

– Гепатит протекает в легкой форме. Осложнений, полагаю, не будет. Правда, Саратовкин не вполне адекватно оценивает свое состояние, просит выписать, а ему еще предстоит реабилитация.

– Когда он сможет улететь в отпуск?

– Недели через две. Реабилитацию лучше проходить на родине. В округах созданы специальные центры. Ну, а уж потом отпуск.

– Значит, состояние его вне опасности?

– Да, конечно.

– У вас есть еще дела? Простите, я спрашиваю потому, что сегодня вылетает аэрофлотовский самолет на Москву и можно успеть оформить вам билет. Следующий рейс в лучшем случае через неделю. Придется давать в генштаб телеграмму с просьбой продлить вам командировку.

«Понятно, – усмехнулся я про себя, – дело сделано, и я им больше не нужен. Савкин, видать, все успел. Шустрый малый. А что подумает Станев? Впрочем...»

– В продлении командировки нет необходимости, товарищ генерал. Я готов улететь сегодня.

– Ловягин вас хоть повозил по городу?

– Да. Мы даже в Содери были.

– Ну что ж, значит, решено. Думаю, еще увидимся, но на всякий случай всего вам доброго и поклон столице.

Генерал пожал мне руку и проводил до дверей кабинета.

Минуло три месяца, я зарылся в московские дела, как-то мне позвонил главный эпидемиолог Министерства обороны генерал-майор Агафонов.

– Приезжайте, – коротко сказал он, – есть интересный материал по вашей части.

Через полчаса я держал в руке тот самый отчет, переведенный и аккуратно переплетенный.

В Массауа я побывал через два года, весной. Правительственные войска отбросили сепаратистов в горы, наступило временное затишье. О боях напоминали лишь пулевые и осколочные отметины на стенах домов и оградах. У въезда в город стояли посты: груды зеленых мешков с песком, поверх них – крупнокалиберный пулемет, в стороне американский, похожий на катафалк, бронетранспортер.

Еще действовал комендантский час – к восьми часам вечера улицы замирали. И все же это был мирный город. Открылись рестораны, кафе, бары, оживленнее стало на рынке.

Прилетел я, как всегда, по недоброму поводу. В Массауа по межправительственному соглашению прибыла советская гидрографическая экспедиция. Часть личного состава осталась на судах, основную же группу, в том числе и командование, разместили в брошенной прежними владельцами гостинице «Красное море».

В иные времена, до переворота и вспыхнувшей вслед за ним войны, в гостинице останавливались богатые паломники, направляющиеся из юго-западных районов Африки в Мекку, вполне комфортабельное заведение с современным оборудованием, даже артезианская скважина была своя. Во время недавних боев в водоносную систему угодили снаряд, накопительные резервуары тоже были повреждены, воду завозили на автоцистернах из сомнительного источника. Через месяц полыхнул инфекционный гепатит. Стационар пришлось развертывать прямо в гостинице.

Вспышку удалось быстро локализовать. Помогали мне три советских врача, работавших в небольшом госпитале в Массауа по контракту: молодая супружеская пара Болдыревых и Дина Евгеньевна Костенко. Работать в основном приходилось с Диной – хирургов Витю и Ларису Болдыревых часто вызывали к больным. До переворота госпиталь обслуживали итальянцы. Как началась заварушка, они спешно покинули город.

Лишь поздно вечером я добирался до своего номера – некогда роскошного, с ванной-бассейном, где теперь бегали сороконожки, с гнущей, в стиле Людовиков, мебелью и зеркальным потолком в спальне. Лежа на широкой кровати, можно было разглядывать себя во всех подробностях. Зачем это нужно было богатым паломникам?

Чувствовал себя разбитым, хотя в номере было прохладно, работал кондиционер.

Вспышку гепатита ликвидировали, переболевших моряков отправили на гидрографическом

судне в Севастополь. Накануне моего отлета Болдыревы пригласили меня на ужин. Врачи, все трое, жили на вилле, принадлежавшей ранее чудаку-миллионеру. Бунгало стояло на сваях в воде и напоминало летающую тарелку – трапы, мостики, балконы, круглые корабельные иллюминаторы, купальня с нейлоновой сеткой – защитой от акул и барракуд. Внутри это сооружение выглядело довольно уютным. Две спальни, гостиная, кабинет, огромный холл, кухня, сверкающая нержавеющей сталью.

Стол получился превосходный. Пили «вишневку» – спирт, разведенный компотом. Спирт в местной аптеке стоил очень дешево – африканцам и в голову не приходило, что его можно пить. Улететь мне так и не удалось. Один из вертолетов подбили сепаратисты, у других двигатели выработали моторесурс, их ремонтировали. Когда закончится ремонт, никто толком не знал. Я позвонил заместителю главного военного советника и попросил разрешения пробиваться в Асмару сквозь кольцо окружения с колонной бронетехники, тот отказал: «Зачем мне лишняя головная боль? Вам продлили срок командировки. Купайтесь, грейтесь на солнышке».

Я шалел от безделья. На Массауа зависло выцветшее от зноя небо. Тишина. Безмятежность. И не верилось, что город окружен, что идет война.

Дней через пять в небе послышалось легкое жужжание. Прибежал врач экспедиции и сообщил: «Только что прилетел командующий флотом Эфиопии, самолет приказал отправить в Асмару. Собирайтесь, махнем на аэродром, я договорюсь с пилотом. Ближайший борт на Асмару черт его знает когда будет».

У ангара стояла пестро раскрашенная канадская авиетка. Я еще никогда не видел таких маленьких самолетов. Около авиетки прохаживался пилот, смахивающий на гангстера. Черный засаленный пиджак с оторванными пуговицами, высокие шнурованные ботинки, за поясом массивный кольт. «О' кей! – Он похлопал меня по плечу и сказал на скверном английском: «Будешь вторым пилотом, парень». Изнутри авиетка выглядела еще ненадежней – в «Волге» и то просторней. На двух креслах спереди едва помещались два взрослых человека, два креслица сзади предназначались разве что для подростков. Пилот нажал стартер, мотор ровно загудел. Диск от вращающегося пропеллера напоминал пламя газовой горелки. «Ну что, поехали», – он потянул за какую-то рукоятку, и самолет покатило, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Наконец задраил нос и взлетел, как большое неуклюжее насе-

комое. Слева под крылом мелькнули серые ангары. Отсюда, сверху, аэродром напоминал заброшенное футбольное поле. Фиолетовые горы раскачивались у горизонта. Что-то лязгнуло у правой ноги. Я покосился и вздрогнул: боковая дверца была приоткрыта, страховочный ремень вывалился в дверной проем и раскачивался над пустотой. Внизу проплыла вершина горы с прилипшей к ней тучкой. «Спокойно», – приказал себе я и осторожно, чтобы не заметил пилот, вытащил ремень, застегнул на пояс и закрыл дверцу. Сделал я это вовремя: прямо по курсу самолета небо рассекла трассирующая пулеметная очередь, авиетка завалилась на правое крыло и стала быстро набирать высоту. «Хорош бы я был», – подумал я, испытывая острый холодок манящей опасности...

Слава богу, самолет благополучно сел в Асмаре. Меня встречал врач нашей авиабазы капитан медслужбы Олег Озеров. До офицерского общезнания добирались на санитарном «уазике».

– Андрей Сергеевич, банька натоплена, после ужина в офицерском клубе крутят американский фильм. Что-то из ряда вон. Правда, на английском языке. Как? – предложил он.

– К черту баню, а заодно и фильм. стакан спирта и легкая закуска. Все.

– Что-нибудь случилось?

– Да как тебе сказать... Над каньоном нас пытались сбить сепараты. Хорошо я вовремя пристегнул страховочный ремень, а то бы мы сейчас с тобой не беседовали.

11

Последний раз я летел в Аддис-Абебу двадцать лет назад по приказанию министра обороны. На острове Нокра полыхнула загадочная эпидемия, в течение нескольких дней целиком лег десант морских пехотинцев на большом десантном корабле, были смертельные случаи. С острова в спешном порядке эвакуировали семьи офицеров и мичманов на материк, в Асмару. Среди прочих версий была и такая: диверсионным методом применено биологическое оружие.

Для ликвидации эпидемии главнокомандующий направил двух главных медицинских специалистов ВМФ: главного терапевта и главного эпидемиолога. А у меня накануне умерла мать, я уперся: поеду лишь после того, как предам мать земле. Министр дал сутки на похороны – на аэродром в Чкаловске я отправился прямо из-за поминального стола.

Восьмичасовой перелет на Ил-76, выполнен-

ный в десантном варианте, бросок из Аддис-Абебы через всю страну в Асмару, оттуда вертолетом на базу. Опустевший городок, трупы умерших в рефрижераторной камере на плавмастерской, паника, некомпетентность местных коллег, страх и связанные с ним стычки между офицерами. Среди всей этой неразберихи меня особенно угнетала мысль, что девять дней после кончины матери я вынужден отметить на раскаленном острове в Красном море и душа ее будет тщетно искать меня там, на московских холмах, и, возможно, отправится в иной мир, так и не простившись.

Я закрыл глаза и отчетливо вспомнил обстановку на Нокре двадцать лет назад, будто увидел ее сверху, свободно паря над морем.

...Рыжая глыба острова, по периметру схваченная колючей проволокой, натянутой в несколько рядов, самоходные зенитные установки, врытые в песок, ангары, серебристые кубы топливных цистерн, причал, у которого замерли большой десантный корабль и плавмастерская, где нас поселили. В стороне от причала – горстка деревянных коттеджей. За темно-синим проливом – остров Дохлак, еще дальше – Красное море, действительно красное по вечерам, когда закатное солнце высвечивает розовые полукружья коралловых рифов. Угрюмый обед в кают-компании: на первое уха из барракуды. В центре стола на тарелке огромная голова этой морской щуки. Поздно вечером – девятины.

Присутствуют трое: мой коллега, главный терапевт ВМФ Владислав Петрович Мальгин, коман-

дир базы и я. Стоя, выпиваем по рюмке водки, больше нельзя, обстановка на острове пока еще неясная, есть больные, и их жизни угрожает опасность. Напряженность последних дней все же сказывается: через час я падаю в койку и будто проваливаюсь в яму, но вскоре, как мне кажется, просыпаюсь и вижу мать. Седенькая, в ночной рубашке в розовый цветочек – в этой рубашке я отправлял ее в больницу – стоит посреди каюты и ласково улыбается мне. Она – бесплотна, сквозь нее просвечивают переборки каюты, и все-таки это она, мама. По движению ее бледных губ я понимаю, что она утешает меня, говорит, что все будет хорошо, и, прощально помахав рукой, исчезает. Какое-то время в полусвете каюты еще висит голубоватое облачко. А на меня снисходит покой, и то гнетущее чувство, что давило в последние дни, уходит, оставляя место печали.

Эпидемию редкой формы тропической малярии ликвидировали. В те дни мы семь раз пересекали на вертолете линию фронта, а у сепаратистов на вооружении уже были ракеты класса «земля-воздух», но Господь и душа моей матери оберегали нас, отвращая беду.

□

Юрий ПАХОМОВ (Юрий Николаевич Носов)

*окончил два факультета Военно-медицинской академии,
служил на подводных лодках и надводных кораблях
Черноморского и Северного флотов.*

Участник военных действий в «горячих точках».

Член Союза писателей СССР, России.

Автор двадцати книг.

*Его произведения переведены
на языки ближнего и дальнего зарубежья, экранизированы.*

*Лауреат Международной российско-итальянской
литературной премии «Москва-Пенне»,
всероссийских литературных премий: имени И. А. Бунина,
«Прохоровское поле» и других.*

*Отмечен серебряным дипломом
на международном славянском форуме «Золотой витязь».*

